

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОЛОГИИ АМДО И
ОБЛАСТИ КУКУ-НОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1903.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Матеріалы по этнологіи Амдо и области Куку-Нора.

Настоящіе «матеріалы» составляютъ продолженіе моихъ работъ по этнологіи Центральной Азіи и, въ качествѣ таковыхъ, должны читаться въ связи съ VIII главой второго тома моего «*Описанія путешествія въ западный Китай*». Только усвоивъ себѣ, что нѣкогда Гань-су и Сы-чуань въ большей своей части населены были бѣлокурой расой—«ди» или «динлинами», станеть яснымъ происхожденіе того типа тибетца, который нынѣ встрѣчается повсемѣстно въ восточномъ Тибетѣ за исключеніемъ области Намцо, куда друпа выселились уже въ позднѣйшую эпоху изъ окрестностей озера Тэнгри-нора.

Я нисколько не льщу себя надеждой, что всѣ выводы, къ коимъ я приходилъ раньше и прихожу въ представляемомъ нынѣ на судъ читателя новомъ трудѣ—безспорны; но я увѣренъ, что они будутъ имѣть значеніе для освѣщенія темныхъ сторонъ исторіи Востока.

Эти «матеріалы» должны были войти отдѣльной главой въ третій томъ моего «*Описанія путешествія въ Западный Китай*», но, такъ какъ этотъ томъ едва-ли выйдеть въ скоромъ времени, я рѣшилъ издать ихъ отдѣльно.

Народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ тангутовъ, составляетъ главную массу населенія западной Гань-су, сѣверной Сы-чуани и Куку-нора, въ предѣлахъ между 39° и 32° сѣв. шир., между кривой—Гао-тай—верховья Хуань-хэ—Сунь-пань и 104° вост. долг. отъ Гринвича ¹⁾.

На зарѣ китайской исторіи на всей этой территоріи жили различныя поколѣнія жуновъ, цяновъ и ди.

Мы уже знаемъ ²⁾, что подъ общимъ именемъ «ди» на югѣ, «динлиновъ» на сѣверѣ отъ великой Гоби извѣстны были у китайцевъ различныя бѣлокурыя (рыжеволосыя) племена бѣлой расы. Впрочемъ, южные ди у тибетцевъ были также извѣстны подъ именемъ «динлиновъ»; такъ, у Такинфа читаемъ: байланскихъ цяновъ тибетцы называютъ динлинами ³⁾.

Что касается жуновъ, то ихъ принято относить къ расѣ переходнаго типа между монгольской и малайской.

Жуны не только жили бокъ о бокъ съ динлинами въ провинціяхъ Гань-су и Сы-чуани, но и заселяли огромныя территоріи къ востоку отсюда; такъ, за много вѣковъ до начала нашей эры мы находимъ ихъ въ провинціяхъ Шэнь-си, Шань-си, Чжи-ли, Шань-дунъ, Ху-бэй, Хэ-нань, и Ань-хой ⁴⁾. Можетъ быть даже, что и на западъ, въ Гань-су, Куку-норъ и Тибетъ, они явились съ востока; по крайней мѣрѣ китайцы передаютъ намъ легенду о переселеніи въ 2282 г. до Р. Хр. си-жуновъ, обитавшихъ прежде въ провинціи Ху-нань, на западъ, въ мѣстность Сань-вэй ⁵⁾, откуда во времена уже историческія, а именно за четыре вѣка до Р. Хр., часть ихъ ушла еще далѣе на юго-западъ и осѣла на плоскогоріи Тибета, положивъ основаніе тибетскому народу и государству.

Кажется, только этому западному отдѣлу китайцы присваи-

¹⁾ Ср. Бретшнейдеръ—«Добавочныя замѣтки къ очерку путешествія Г. Н. Потанина» («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества»), XXXV, IV, стр. 423—424).

²⁾ См. «Описаніе путешествія въ Западный Китай», II, глава VIII, а также мое изслѣдованіе: «Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми?» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1899, іюнь).

³⁾ „Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 242.

⁴⁾ Георгіевскій—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 236—238, а также стр. 57, 75, 78, 106, 124—125.

⁵⁾ Такинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 2. О мѣстности Сань-вэй см. „Опис. путеш. въ Зап. Китай“, II, стр. 3. Къ этой легендѣ мы будемъ имѣть еще случай вернуться.

вали наименованіе «цянь». Дѣйствительно, хотя они и называли въ древности жителей Амдо и Куку-нора си-жунами (западными жунами) и цянами безразлично, но послѣднее прозваніе не распространялось на поколѣнія жуновъ, жившія къ востоку отъ меридіана Лань-чжоу. Среди восьми инородческихъ племенъ, въ союзѣ съ коими У-ванъ разбилъ войска Чжоу-синя и основалъ на развалинахъ Иньскаго Чжоуское царство (1122 г. до Р. Хр.), значатся и цяны, жившіе къ сѣверу и западу отъ Шу ¹⁾. Цяны не знали земледѣлія. Это былъ дикій и пастушескій народъ, тогда какъ жуны уже за шесть столѣтій до Р. Хр. являлись носителями культуры. Они не только обрабатывали землю ²⁾, но и имѣли города ³⁾—обстоятельство, въ значительной мѣрѣ способствовавшее ранней асимиліаціи этого народа народомъ китайскимъ и исчезновенію его имени со страницъ китайской исторіи ⁴⁾.

Различая цяновъ и жуновъ, я полагаю, однако, что оба народа принадлежали къ одному племени, но только первые сохранили бѣольшую чистоту крови, тогда какъ послѣдніе уже въ чжоускую эпоху были народомъ смѣшаннаго происхожденія. Эта гипотеза, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ фактомъ, что у современныхъ тангутокъ сохранился обычай, существовавшій и у жунскихъ женщинъ въ Гань-су—заплетать волосы во множество тонкихъ косичекъ, спускавшихся на лицо ⁵⁾.

¹⁾ Георгіевскій, *op. cit.*, стр. 45.

²⁾ Георгіевскій, *op. cit.*, стр. 119; Legge „The Chinese classics“, V, стр. 464.

³⁾ Георгіевскій, *op. cit.*, гдѣ, напримѣръ на стр. 105, сказано: „Князь Му напалъ на жуновъ, отнялъ у нихъ двѣнадцать значительныхъ городовъ и распространилъ свой удѣлъ болѣе чѣмъ на 1000 ли“. У Иакинфа („Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій“, I, стр. 8) также читаемъ: „Послѣ сего Икюйскіе жуны, для огражденія себя, построили города, которые удѣлъ Цинь исподволь покорилъ себѣ. Впослѣдствіи Хой Ванъ, в. князь удѣла Цинь, взялъ у Икюйцевъ 25 городовъ».

⁴⁾ Возможно однако, что часть ихъ оттѣнена была къ югу. Ср. Terrien de Lacourperie — „Les langues de la Chine avant les chinois“ въ „Le Museon“, 1888, VII, стр. 28—29; Plath („Die fremden barbarischen Stämme in alten China“ въ „Sitzungsber. der philos.-philolog. Classe der Akad. d. Wiss.“, 1874, I, S. 497) также не отождествляетъ жуновъ съ цянами. Вотъ, что онъ пишетъ: „Allem nach scheinen die Yung aus verschiedenen Völkerstämmen Siän-pi auch Thibetanern (Kiang), wie wir früher sahen, und Hiung-nu bestanden zu haben.“

⁵⁾ Иакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 14—15.

Нѣсколько иначе освѣщаетъ этотъ вопросъ Terrien de Lacouperie. Онъ также различаетъ цяновъ и жуновъ, но проводитъ это различіе еще глубже, утверждая, что оба народа уже въ глубокой древности говорили на разныхъ нарѣчіяхъ¹⁾, причемъ заключеніе это онъ основываетъ на тождественности родовыхъ прозваній у древнихъ жуновъ и современныхъ бирманцевъ нага²⁾. Нага говорятъ на тибетскомъ языкѣ, подвергшемся болѣе или менѣе значительнымъ вліяніямъ языковъ китайскаго, монъ-тай, индонезійскаго и другихъ, что могло имѣть мѣсто лишь на сѣверѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Китая, гдѣ тибетскія племена жили бокъ о бокъ съ дисцами, тагалами, хмерами, лао, китайцами и другими народами. А такъ какъ глубокія измѣненія въ языкѣ не могли не сопровождаться метисаціей этническихъ элементовъ, то тѣмъ самымъ подтверждается и высказанное выше предположеніе о смѣшанномъ происхожденіи жуновъ. Обстоятельство это до нѣкоторой степени объясняетъ и часто встрѣчающееся въ китайскихъ лѣтописяхъ отождествленіе жуновъ съ ди и цянами, а равно и этихъ послѣднихъ между собою. Такъ, напримѣръ, у Такинфа мы читаемъ, что оттѣсненные на югъ цяны разбиты на роды, изъ коихъ сильнѣйшими были «родъ мао-ню или цяны въ Юѣ-цзянь и родъ бо-ма или цяны въ Ву-ду»³⁾, между тѣмъ какъ мы уже знаемъ, что это были не цянскіе, а дискіе роды⁴⁾. Не останавливаясь на подобныхъ при-

1) Op. cit., см., напримѣръ, „Le Museon“, 1888, VII, стр. 335.

2) Loc. cit., стр. 28—29. Нага населяютъ нынѣ верхнюю Бирму, къ востоку отъ Ассама, между р. Браманутрой и р. Иравади.

3) Такинфъ, op. cit., I, стр. 16.

4) Грумъ-Гржимайло—„Описание путеш. въ Зап. Китай» II, гл. VIII. У Pfizmaier'a („Die Unternehmungen der früheren Han gegen die südwestlichen Fremdgebiete“ въ „Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos-histor. Classe“. B. 45, S. 297) читаемъ: «Westlich von dem Lande Scho und nordöstlich von Mang befanden sich die Gebiete von zehn anderen Landesfürsten, unter welchen der Beherrscher von Pe-ma (Бо-ма) der bedeutendste. Die Bewohner dieser Gegenden gehörten zu dem Volkstamme Ti, zu welchem letzteren wieder die jenseits der Marken der Länder Pa und Scho lebenden Fremdländer gehörten“. И далѣе: „Im zweiten Jahre nach diesen Begebenheiten (80 vor uns. Zeitr.) empörten sich die zu dem Volkstamme Ti gehörenden Bewohner der Landschaft Wu-tu“ (ib., S. 306).

Эти выписки вмѣстѣ съ указаніемъ Pfizmaier'a, что китайцамъ были извѣстны двѣ страны Бо-ма—одна—лежавшая на сѣверѣ, другая, на западѣ (яначе страна Ву-ду) — служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ

мѣрахъ, я замѣчу лишь, что въ тѣхъ же лѣтописяхъ встрѣчаются, повидимому, и прямые указанія на смѣшанное происхожденіе нѣкоторыхъ родовъ, каковы гунь-чжу, гуань-жунъ, ди-ванъ и жунъ-манъ; китайцы изображаютъ даже послѣднее наименованіе двумя іероглифами—«жунъ» и «манъ», что указываетъ, что въ жунъ-маняхъ они видѣли метисовъ двухъ сосѣднихъ народностей.

Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ знакомства нашего съ исторіей восточной части Гань-су и сѣверной Сы-чуани мы находимъ ихъ заселенными метисами, и только еще далѣе на западъ, въ области Куку-нора и верховій Желтой рѣки, встрѣчаемъ племена цяновъ болѣе чистой крови. Но и ихъ вскорѣ постигла участь ихъ восточныхъ сосѣдей.

За три вѣка до начала нашей эры сѣверными сосѣдями цяновъ были усунь, юэчжи и хунны.

Янь-Шы-гу о наружности усуньцевъ пишетъ: Усуньцы обликомъ весьма отличны отъ другихъ жителей западнаго края. Нынѣ тюрки съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть потомки ихъ ¹⁾.

Янь-Шы-гу, жившій около половины VII вѣка, издалъ только поясненія къ Цянь-хань-шу, т. е. къ исторіи старшей династии Хань. Источники, которыми онъ пользовался, до насъ не дошли, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе многочисленныя указанія, свидѣтельствующія о широкомъ нѣкогда распространеніи племенъ бѣлокурой расы въ Средней Азии, мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ вѣрности вышеприведеннаго указанія ²⁾.

Иначе думаетъ проф. Хиртъ, который въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи о волжскихъ хуннахъ и хіунъ-ну ³⁾ проводитъ ту мысль, что для объясненія встрѣчавшагося въ VII вѣкѣ среди притяньшанскихъ тюрковъ бѣлокурого элемента незачѣмъ при-

---

тому, что мною говорилось въ помянутой VIII главѣ „Опис. пут. въ Зап. Китай“ (см. также „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1899, VI) о распространеніи дискихъ родовъ и въ частности—рода бо-ма.

¹⁾ Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азии“, III, стр. 65.

²⁾ Эти указанія читатель найдетъ въ VIII гл. моего „Опис. пут. въ З. Китай“, II.

³⁾ Hirth—«Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu» (въ «Sitzungsberichte der philos-philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss.», 1899, B. II, Heft II).

бѣгать къ сенсационной гипотезѣ Кларотъа¹⁾. Хунны, говоритъ онъ, откочевавъ на западъ и покоривъ земли бѣлокурныхъ алановъ, продолжали однако, по словамъ Вэй-шу, поддерживать сношенія со своими сородичами на востокѣ. Торговые караваны, въ составъ коихъ, вѣроятно, входили и купцы аланской національности, должны были несомнѣнно подолгу останавливаться въ землѣ Юебань, прежде усуньской; результатомъ же этихъ остановокъ и были тѣ «рыжія бороды и синіе глаза», о которыхъ упоминаетъ Шы-гу.

Одинаковымъ образомъ проф. Хиртъ разрѣшаетъ вопросъ и о рыжеволосыхъ и голубоглазыхъ хагасахъ²⁾.

Послѣ всего того, что мною уже писалось о бѣлокурныхъ племенахъ Азіи³⁾, я считаю излишнимъ подробно останавли-

¹⁾ Гипотеза эта изложена въ «Tableaux historiques de l'Asie» стр. 161 и слѣд.

²⁾ Op. cit., стр. 277.

³⁾ Въ дополненіе къ тѣмъ матеріаламъ о распространеніи бѣлокурой расы въ Средней Азіи, которые собраны были мною въ VIII главѣ II т. „Описан. пут. въ Зап. Китай“, считаю нелишнимъ привести ниже слѣдующія строки изъ послѣдняго отчета Потанина („Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.“; 1899, IV, стр. 390). „Лама Джамъ-янъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ изъ Лассы ходилъ на поклоненіе Субургану Чжирунъ Кашюръ; онъ увѣрялъ меня, что это монголы зовутъ его такъ, мѣстные же жители (бѣбѣ) зовутъ его Богдода, а тибетцы — Чо'тенъ-реубучи. Отъ Лассы до Чжирунъ-Кашюра онъ шелъ два мѣсяца. Страна, по которой онъ проходилъ, жаркая; у жителей тѣмъ другой, чѣмъ у тибетцевъ; есть русые или рыжіе; обликъ походитъ на китайскій, одѣваются въ узкое платье... Женщины носятъ кольца въ носу... На языкѣ этихъ бѣбѣ огонь называется агу“. Затѣмъ, у Кастрена („Kleinere Schriften“ въ „Nordische Reisen und Forschungen“, V, стр. 107—122) встрѣчается указаніе, что алтайскіе и саянскіе татары разсказывали ему о своихъ предшественникахъ въ этой горной мѣстности — свѣтлоглазыхъ племени аккаракъ, которому они и приписывали такъ называемыя чудскія могилы. Эти же могилы съ сохранившимися въ нихъ костями, принадлежавшими народу длинноголоваго типа, атлетическаго сложенія, буряты, по свидѣтельству Талько-Грынцевича (I. Talko-Hryniewicz — „Materiały do paleoetnologii mogił Azyi Wschodniej“ въ „Materiały antrop-archeol. i etrograf Akad. Umiejętności w Krakowie“, III, Dz. I) приписываютъ киргизамъ (chirkisy — chur). Наконецъ, у Рокхила мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія на физическія особенности нѣкоторыхъ восточно-тибетскихъ племенъ: „Черты лица этого человѣка и прическа поразили меня: тонкій орлиный носъ, большіе глаза и масса спутанныхъ курчавыхъ волосъ, которые спускались на плечи, скрывая на половину его лицо — все это дѣлало его болѣе похожимъ на переодѣтаго

ваться на вышеизложенномъ предположеніи Хирта ¹⁾. Я замѣчу только, что о хагасахъ, вошедшихъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ китайцами лишь въ половинѣ VII вѣка, современники ихъ писали: «Они вообще рослы, съ рыжими волосами, съ румянымъ лицомъ и голубыми глазами. Черные волосы считались у нихъ нехорошимъ признакомъ и съ карими глазами почитались потомками (китайца) Лилингъ» ²⁾. Здѣсь, стало быть, идетъ рѣчь о цѣломъ народѣ, общая численность коего «простиралась до нѣсколькихъ сотъ тысячъ (семействъ)» ³⁾. Вѣроятно, проф. Хиртъ упустилъ изъ виду это свидѣтельство, когда писалъ о метисахъ алановъ, торговыя сношенія коихъ съ алтайскими и притяньшаньскими племенами къ тому же болѣе чѣмъ сомнительны ⁴⁾.

Неправъ проф. Хиртъ еще и въ томъ, что отождествляетъ хунновъ съ юебаньцами, а земли послѣднихъ приурочиваетъ къ Усуни. Китайскія извѣстія говорятъ намъ совершенно опредѣленно, что Юебань лежала къ сѣверо-западу отъ Усуни, а народъ отличался отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей большей опрятностью и нѣкоторыми обычаями, заимствованными, можетъ быть, у осѣдлаго населенія Восточнаго Туркестана: передъ ѣдой они

европейца, нежели на настоящаго обитателя Азии. Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ типъ очень распространенъ среди жителей восточнаго Тибета, въ особенности среди мужчинъ"... „Народъ Хорба красивѣе, чѣмъ гдѣ либо въ остальномъ Тибетѣ. Они сравнительно ниже ростомъ, чѣмъ жители сѣвернаго и центральнаго Тибета, но у нихъ менѣе рѣзкія и грубыя черты лица: здѣсь часто можно встрѣтить орлиный носъ, прекрасные, краткіе, какъ у антиопы, глаза, курчавые или волнистые волосы. Особенно же красивы здѣсь женщины, а природная ихъ миловидность еще болѣе выигрываетъ, благодаря яркимъ нарядамъ и украшеніямъ“ („Въ страну ламъ“, прил. къ журналу „Міръ Божій“ за 1901 г., стр. 120 и 159).

¹⁾ Это предположеніе опровергается, между прочимъ, и результатами произведенныхъ за послѣднее время въ южной Сибири раскопокъ древнихъ могилъ. Такъ, Талько Гринцевичъ въ цитированномъ выше сочиненіи пишетъ: судя по числу найденныхъ костяковъ, длинноголовый типъ, соответствующій курганному типу Европы, долженъ былъ быть нѣкогда многочисленнымъ въ Сибири.

²⁾ Гакнифъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средн. Азии“, I, 2, стр. 443. О Ли-линъ см. Pfizmaier—„Die Heerführer Li-khuang und Li-ling“ въ „Sitzungsberichte d. philos.-histor. Classe der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften“, 1863.

³⁾ Гакнифъ, тамъ же.

⁴⁾ По крайней мѣрѣ намъ не извѣстно ни одного факта, который бы подтверждалъ такое предположеніе.

всегда умывались, голову коротко обстригали, а брови подравнивали, придавая имъ особый блескъ съ помощью какой-то мази ¹⁾. Если однако юебаньцы не были хуннами и къ тому же жили не на прежнихъ усуньскихъ земляхъ, то и вся гипотеза Хирта теряетъ подъ собой почву.

О первоначальномъ мѣстопробываніи усуней мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

«Въ Шы-цзи, говоритъ Успенскій ²⁾, замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ Циньской и Ханьской династій, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ хунны». Это мѣсто Шы-цзи, повидимому, основано на показаніи Чжанъ-Цяня, утверждавшаго, что «усуньскій владѣтель въ одно время съ большимъ юэчжи кочевалъ около Дунь-хуанъ» ³⁾. Но тотъ же Чжанъ-Цянь показывалъ далѣе слѣдующее: «Отецъ усуньскаго гуньмо имѣлъ небольшое владѣніе на западныхъ хуннскихъ предѣлахъ» ⁴⁾, въ каковыя предѣлы въ то время, т. е. до эпохи Модэ, еще не входили Принаньшаньскія земли. Поэтому, вѣроятно, стоитъ ближе къ истинѣ Лю-ю, авторъ Си-ши-цзи, помѣщающій древнія усуньскія земли къ западу отъ Кара-Корума, т. е. въ южномъ Алтаѣ ⁵⁾. Замѣчаемое здѣсь противорѣчіе могло бы найти себѣ объясненіе въ послѣдующемъ разсказѣ того же Чжанъ-Цяня, изъ котораго видно, что Модэ поручилъ молодому гунь-мо покоренныхъ усуньцевъ охранять государственную границу «при западной стѣнѣ» ⁶⁾. Здѣсь усуньцы успѣли вновь собраться съ силами и овладѣли даже нѣсколькими приграничными городами, но оставались только до смерти Модэ, послѣ чего отдѣлились отъ хунновъ и откочевали на западъ по слѣдамъ юэчжи ⁷⁾.

Но если пребываніе усуней на периферіи земель, занятыхъ кочевьями цяновъ, было столь кратковременнымъ, то нельзя и ожидать, чтобы вліяніе ихъ на измѣненіе типа этихъ послѣднихъ было значительнымъ.

¹⁾ Іакинфъ, *op. cit.*, III, стр. 163.

²⁾ „Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн“. VI, стр. 107.

³⁾ Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.“, III, стр. 65.

⁴⁾ Іакинфъ,—*ib.*, стр. 12.

⁵⁾ Bretschneider—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources“, I, стр. 123.

⁶⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 13.

⁷⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 13.

Въ большемъ, чѣмъ усуни, общеніи съ цынами были юэчжи.

Юэчжамъ приписывали то монгольское ¹⁾, то тюркское ²⁾, то наконецъ, тибетское происхожденіе ³⁾. Послѣдняя гипотеза наиболѣе обоснована, а потому и наиболѣе вѣроятна.

Юэчжи, вытѣсненные хуннами изъ земель бассейна рѣкъ Эцзинъ-гола и Булунгира, удалились отсюда на западъ и, осѣдая по пути сперва въ западной Джунгаріи, затѣмъ въ долину Сыра, перешли, наконецъ, Аму-Дарью, гдѣ и овладѣли Тохарестаномъ (въ 128 г. до Р. Хр.) ⁴⁾. Впрочемъ, далеко не всѣ юэчжи покинули нынѣшнюю провинцію Ганьсу; нѣкоторая ихъ часть осталась на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня ⁵⁾, другая откочевала на югъ и поселилась въ горахъ къ югу отъ Синипской рѣки ⁶⁾, гдѣ юэчжи упоминаются еще въ серединѣ II вѣка по Р. Хр., когда у нихъ оставалось до десяти тысячъ войска, т. е. людей, способныхъ носить оружіе ⁷⁾. Объ этихъ юэчжи

¹⁾ Visdelou „Histoire de la Tartarie“ въ „Supplément de la Bibliothèque orientale“.

²⁾ Cunningham въ „Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal“, XXXII.

³⁾ Klaprot—„Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 132; въ дополнительной замѣткѣ къ тому же сочиненію, на стр. 287, онъ однако отказался отъ этого предположенія, причисливъ и ихъ къ народамъ блокурой расы. Вопросу о національности юэчжи Vivien de Saint-Martin посвятилъ цѣлую книгу—„Les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins (1849)“, въ которой, взвѣсивъ критически относящіяся къ этому народу историческія свидѣтельства, высказался за его тибетское происхожденіе. Подробнѣе объ юэчжи изложено въ „Опис. пут. въ Зап. Китай“, II, гл. I.

⁴⁾ На стр. 5 „Опис. пут. въ Зап. Китай“, II, я ошибочно принялъ Viv. de Saint-Martin гипотезу о тождествѣ юэчжи и тухоло Сюань-Цзана. Это мнѣніе высказывали другіе комментаторы китайскихъ извѣстій—Remusat, Jule, Richthofen.

⁵⁾ Іакинфъ „Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 66.

Этихъ юэчжи китайцы называли „и-цунъ-ху“, т. е. добровольно покорившимися; ихъ насчитывалось въ Чжанъ-ѣ (въ Гань-чжоу) нѣсколько сотъ семействъ.

⁶⁾ Въ мѣстности Хуанъ-чжунъ, подъ именемъ которой была известна страна между рѣками Синипской и Желтой. Заключаю это изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ мѣстъ китайской лѣтописи: „И такъ они бѣжали въ страну между тремя рѣками, т. е. Желтою, Си-чжи (это верховье Желтой рѣки) и Хуанъ-шуй (Синипъ-хэ)“... (Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“. I, стр. 15) и—„Жинъ съ младшимъ братомъ Ву остался въ Хуанъ-чжунъ“, т. е. въ той странѣ, гдѣ предки его поселились (op. cit., стр. 16).

⁷⁾ Іакинфъ, ib., стр. 66.

китайцы пишутъ, что они были близки къ цянамъ по языку и обычаямъ и что они часто вступали съ послѣдними въ брачныя союзы ¹⁾—указаніе крайне важное и вполне разъясняющее намъ, какимъ путемъ постепенно исчезалъ этотъ народъ.

Хунны стали извѣстны китайцамъ уже за XXIII стол. до начала нашей эры ²⁾, но точнаго указанія на мѣста, которыя они занимали въ то время своими кочевьями, мы не имѣемъ ³⁾. Только уже сравнительно въ позднѣйшую эпоху, а именно въ 214 г. до Р. Хр., мы застаемъ ихъ въ Ордосѣ, т. е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ди и жунами ⁴⁾. Это сосѣдство стало еще тѣснѣе въ эпоху хана Модэ, когда хунны утвердились на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ началу нашей эры населеніе западной части Гань-су, сѣверной—Сы-чуани и области Куку-нора было чрезвычайно смѣшаннымъ, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ съ этого времени получилъ преобладаніе тюркскій элементъ, и на востокѣ и юго-востокѣ, гдѣ все еще жили сплошными массами дисцы.

Дисцы, какъ уже извѣстно ⁵⁾, не только мѣстами удерживали свою независимость до начала V ⁶⁾ и даже VI вѣка но временами достигали даже чрезвычайнаго могущества; таковы, на примѣръ, царства Ву-ду (322—506 гг.) и Цинь (334—394 гг.); упоминаются они также подъ 296 годомъ и въ долинѣ р. Вэй-шуй (Цинь-чжеу) ⁷⁾.

Въ началѣ II вѣка по Р. Хр. на сѣверныхъ окраинахъ провинціи Гань-су появился новый этническій элементъ—сяньбійцы. Въ 93 г. они овладѣли Монголіей, позднѣе же (при Таньшихаѣ) проникли и въ область Хэ-си ⁸⁾.

¹⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 66.

²⁾ Впервые же китайцы столкнулись съ хуннами, кажется, въ IX вѣкѣ до Р. Хр. (Георгіевскій—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 79).

³⁾ Говорится только, что они населяли степи къ сѣверу отъ Китая.

⁴⁾ Георгіевскій, *op. cit.*, стр. 183.

⁵⁾ О дисцахъ подробнѣе см. „Опис. пут. въ Зап. Кит.“, II, гл. VIII.

⁶⁾ Ачай, девятый царь сяньбійской династіи Тогонь (417—427 гг.), „мало по малу покорилъ окрестныя малыя владѣнія, принадлежавшія цянамъ и дисцамъ“. (Іакинфъ—„Ист. Тиб. и Хухун.“ I, стр. 78).

⁷⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 72.

⁸⁾ Іакинфъ,—„Собр. свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I ч. I, стр. 170 и 175.

Сяньби, по словамъ китайской лѣтописи, составляли отрасль дунъ-ху ¹⁾. Дунъ-ху Георгіевскій принимаетъ за остатки тѣхъ дисцевъ, которые въ V вѣкѣ до Р. Хр. были вытѣснены изъ Китая на сѣверъ ²⁾. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и динлиновъ китайцы причисляли къ дунъ-ху ³⁾. Несомнѣнно, однако, что какъ дунъ-ху, такъ и жившіе отъ нихъ къ сѣверу сяньбійцы были народами смѣшаннаго происхожденія; среди послѣднихъ, какъ мы ниже увидимъ, долженъ былъ даже преобладать, и притомъ въ значительной степени, монгольскій элементъ.

Современникъ сяньбійцевъ, сановникъ Цай-Юнь, охарактеризовалъ ихъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: «Они извѣстны крѣпостью тѣлесныхъ силъ; у нихъ оружіе острѣе, а лошади быстрѣе, чѣмъ у хунновъ» (т. е., что они болѣе отважные и сильные воины, чѣмъ хунны) ⁴⁾ Мы знаемъ также, что среди нихъ были рослые люди ⁵⁾, но это и все, что говоритъ намъ исторія о физическихъ особенностяхъ этого народа.

Позднѣе, а именно въ періодъ времени съ 312 г. по 663 г., народы, населявшіе Гань-су и Куку-норъ, вступили въ еще большее общеніе съ сяньбійцами. Сюда прикочевала изъ Ляодуна ⁶⁾ часть сяньбійскаго рода муюнъ, которая, объединивъ подъ своею властью разрозненныя поколѣнія цяновъ, юэчжи, жуновъ и ди, образовала въ Амдо и въ области Куку-нора царство, извѣстное подъ именемъ тугухуньскаго или тогонскаго ⁷⁾.

Эпоха владычества муюновъ должна была имѣть крупное значеніе для этнологіи края, такъ какъ если, до ихъ появленія въ Амдо, населявшія ее племена и не чуждались другъ друга, то все же, составляя самоуправляющіяся общины, они должны были держаться особнякомъ; теперь же эти преграды были устра-

¹⁾ Гакинфъ, *ib.*, стр. 161.

²⁾ „О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 79.

³⁾ Klaproth—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 111.

⁴⁾ Гакинфъ, *ib.*, I, I, стр. 173.

⁵⁾ Гакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 76.

⁶⁾ Гакинфъ, *ib.*, стр. 74.

⁷⁾ Государство это имѣло наибольшіе размѣры въ періодъ времени съ 420 по 608 г.; въ семидесятыхъ же годахъ IV вѣка большая часть современной провинціи Гань-су и даже отчасти область Куку-нора входила еще въ составъ основаннаго дисцами Цинь'скаго государства (эпоха Фу-цзяня II, см. Гакинфъ, *ib.*, стр. 117—118).

нены, и ничто уже болѣе не препятствовало полному слиянію ихъ между собой. По крайней мѣрѣ, съ водвореніемъ муюновъ въ долину Сининской рѣки, на Куку-норѣ и въ верховьяхъ Желтой рѣки, мы уже перестаемъ встрѣчаться на страницахъ китайской исторіи съ наименованіями жунъ, юэчжи, а впоследствии и ди. Всѣ эти народности перестали существовать для китайцевъ, стало быть и въ дѣйствительности онѣ должны были потерять политическое значеніе, постепенно исчезнуть, слиться съ господствующей расой и между собой, образовавъ одинъ тогонскій народъ, который въ 663 году былъ частью поработенъ тибетцами, частью же удалился на сѣверъ, за Нань-шань, въ нынѣшній Лянъ-чжоу'скій округъ.

Судьбу тогоновъ должны были раздѣлить и танчаны, населявшіе южную часть Амдо и жившіе въ смежности съ двумя другими народцами—дынчжи и байлань. О нихъ мы, впрочемъ, ничего почти не знаемъ. Китайцы считаютъ ихъ потомками мифическихъ сань-міао и сопричисляютъ къ цянамъ; но, вѣроятно, это были динлины, смѣшанные съ тибетцами ¹⁾. Танчаны жили осѣдло, имѣли дома, разводили свиней, овецъ и крупный рогатый скотъ и занимались ремеслами.

Въ то время какъ въ Амдо и на Куку-норѣ сначала сянъбійцы-муюны, а затѣмъ тибетцы объединяли подъ своею властью разрозненные динскія и цянскія поколѣнія, къ сѣверу отъ Нань-шаня происходили слѣдующія событія.

Въ началѣ IV столѣтія Цзиньская династія потеряла сѣверный и сѣверо-западный Китай, который, по мѣткому выраженію о. Такинфа, «сталъ съ этого времени поприщемъ для кочевыхъ героевъ» ²⁾. Онъ распался на шестнадцать владѣній, правителями коихъ явились сянъбійскіе и хуннскіе родовичи. Въ эту эпоху, извѣстную въ китайской исторіи подъ именемъ «ши-люго», къ западу отъ Хуанъ-хэ образовалось три княжества: Бэй-Лянъ со столицей въ Гань-чжоу-фу, Си-Лянъ со столицей въ Су-чжоу и Хоу-Лянъ въ Алашани. Всѣ эти княжества объеди-

¹⁾ Байланьскіе цяны были динлинами (Такинфъ — «Ист. Тиб. и Хуху-нора», I, стр. 232; о нихъ см. ниже); а такъ какъ дынчжи и танчаны имѣли сходные съ ними обычаи, то заключеніе это вполне допустимо.

²⁾ Такинфъ — «Записки о Монг.», стр. 56. Подробнѣе объ этомъ событіи см. Г. Е. Грумъ-Гржимайло — «Описаніе путешествія въ Западный Китай», т. II, стр. 31.

нены были въ 421 году Мэнъ-сунемъ цзюй-цюй'емъ, княземъ Бэй-Ляна, который и провозгласилъ себя ваномъ Хэси. Но уже въ 440 году это царство пало въ борьбѣ съ могущественнымъ императоромъ Тоба-Дао.

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ области Куку-нора и верховій Хуанъ-хэ сяньбійцы-муюны достигли наивысшаго могущества и владѣнія ихъ получили наибольшее распространеніе, къ сѣверу отсюда утвердились сяньбійцы-тоба, первоначальной родиной коихъ была, какъ кажется (ср. мнѣнія Такинфа, Hirth'a и др.), долина р. Онона ¹⁾).

Тоба властвовали надъ сѣвернымъ Китаемъ до 558 г., но нѣсколько раньше, а именно въ 521 г., они открыли свои границы жеужанямъ, которыхъ и поселили въ Хэ-си и на свободныхъ земляхъ къ сѣверу отъ Инъ-шаня. Впрочемъ, пребываніе здѣсь жеу-жаней, которыхъ, безъ особенныхъ, какъ кажется, къ тому оснований ²⁾, принято относить къ народамъ тунгузской

---

¹⁾ Достойно вниманія, что только къ сяньбійцамъ-тоба приурочивалось китайцами наименованіе „со-тоу“ — „плетущіе косу“; о сяньбійцахъ же муюнахъ этого не говорится. Различіе головныхъ уборовъ у пастушескихъ народовъ весьма важный этнографическій признакъ; въ данномъ случаѣ онъ даетъ намъ право заключить о глубокой этнографической розни, существовавшей между обѣими главнѣйшими отраслями сяньбійскаго племени.

Сяньбійцы и родственные имъ ухуаньцы брили голову (Такинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, I, стр. 153 и 161), но какъ обращались съ волосами муюны — неизвѣстно.

²⁾ Въ „сѣверной исторіи“ (Бэй-шы) не содержится указаній на какую-либо родственную связь жеужаней съ другими народами Средней Азіи. О наружности ихъ мы можемъ составить себѣ смутное представленіе по нижеслѣдующимъ отрывкамъ: У Магулюя „волосы были наравнѣ съ бровями“... „Жеу-жани были глуцы и походили на ползающихъ на сѣкомыхъ (?)“... Сопоставляя эти скудные данныя, слѣдуетъ, можетъ быть, придти къ заключенію, что жеужани принадлежали по типу къ низшей расѣ, одновременно съ длинноголовыми длиннами населявшей бассейнъ р. Селенги и отличавшейся узкимъ и низкимъ, уходящимъ назадъ, какъ бы совсѣмъ не существующимъ лбомъ, замѣтно выдающимися надбровными дугами и лобными буграми, низкимъ и плоскимъ теменемъ и широкимъ затылкомъ (Talko-Hryniewicz — „Materiały do paleoetnologii mogił Azyi Wschodniej“). Всѣ эти признаки сближаютъ прежнихъ засельниковъ долины р. Селенги съ самоѣдами, отатарившіеся роды коихъ (койбалы, сагайцы, карагассы, моторы и друг.) продолжаютъ и понынѣ жить въ области Саянскаго нагорья. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что жеужани были однимъ изъ са-

расы, было кратковременнымъ и не могло оставить прочныхъ слѣдовъ въ этническомъ составѣ населенія современной Гань-су и области Куку-нора.

Въ 556 г. въ Хэ-си проникаютъ тукіэ (тюрки) въ качествѣ побѣдителей тугухуновъ ¹⁾; полвѣка спустя (въ 608 г.) они вторично вторгаются въ означенную страну, причемъ пораженіе, нанесенное ими хану Фуюню, имѣло послѣдствіемъ присоединеніе Тогонскаго царства къ Срединной имперіи. Впрочемъ, это царство было вновь возстановлено въ его прежнихъ предѣлахъ въ 615 году.

Въ 635 г. выступили на сцену тибетцы. Ихъ лѣтописи не содержатъ сколько нибудь цѣнныхъ указаній на ихъ происхождение ²⁾, китайскіе же историки видятъ въ нихъ потомковъ фа-цяней и танъ-мао, задолго до нашей эры отдѣлившись отъ другихъ цянскихъ поколѣній и поселившихся на Тибетскомъ плоскогоріи къ западу отъ Си-чжи-шуй, т. е. области истоковъ Желтой рѣки ³⁾. Впрочемъ, нѣкоторые китайскіе источники относятъ сказанное переселеніе къ позднѣйшему времени, а именно къ половинѣ V вѣка по Р. Хр. ⁴⁾.

До VII вѣка тибетцы не имѣли сношеній съ Китаемъ, и только въ первой половинѣ этого вѣка, когда въ народѣ стало проявляться стремленіе къ концентраціи, а во главѣ его яви-

---

моѣдскихъ племенъ, весьма рано (въ первой половинѣ III вѣка по Р. Хр.) оттѣсненнымъ на югъ, въ Да-цзи, т. е. въ Бэй-шань (Гань-му, подъ 521 г.). Впрочемъ, повидимому, сюда они прикочевывали только зимой, на лѣто же снова уходили на сѣверъ, въ Хангайскія горы (Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азій“, I, стр. 206). Ср. Klaproth („Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 99) который, указывая на пограничную съ Сибирью часть Халхи, какъ на родину жеужаней, говоритъ далѣе, что во главѣ этого племени, родственнаго сяньбійцамъ-тоба, находились князья, принадлежавшіе къ одному роду съ ханами, впоследствии императорами династіи Юань-вей. Согласно однако „Бэй-ши“, родоначальникомъ жеужаньскихъ государей былъ рабъ Тоба, по имени Югюлюй.

¹⁾ Іакинфъ — „Ист. Тиб. и Хухунора“, I, стр. 85.

²⁾ Rockhill — „Notes on the ethnology of Tibet“ въ „Report of the U. S. National Museum under the direction of the Smithsonian Institution“, 1895, стр. 670.

³⁾ Іакинфъ, *op. cit.*, I, стр. 124; II, стр. 221. „Си-чжи“ отождествляютъ также съ современной р. Чжи-чу, на которой расположена Лхасса, что, можетъ быть, и болѣе вѣрно.

⁴⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 125.

лись талантливые вожди, государственная необходимость заставила ихъ отправить пословъ въ Чанъ-ань, ко двору китайскаго императора. Но это же посольство и было причиной перваго непріязненнаго столкновенія тогонцевъ съ тибетцами (въ 634 г.) и послѣдовавшей засимъ войны, закончившейся 30 лѣтъ спустя (въ 663 г.) паденіемъ Тогонскаго государства и бѣгствомъ нѣкоторой части народа сперва въ Хэ-си (Лянъ-чжоу'скій округъ), а затѣмъ, въ 672 г., еще далѣе на востокъ, въ Линъ-чжоу ¹⁾.

Въ 662 г. западные тукіэсцы стали въ вассальныя отношенія къ Тибету, а въ 670 г. въ составъ территоріи Тибетскаго государства вошли и отторгнутыя отъ Китая земли Восточнаго Туркестана, что вызвало войну съ Серединной имперіей, въ свою очередь послужившую лишь прологомъ къ ряду такихъ же войнъ, закончившихся прочнымъ миромъ лишь въ 822 году. Въ 866 же году Тибетское государство, успѣвшее тѣмъ временемъ распространить свою власть и на земли, входящія нынѣ въ составъ Гань-су, пало отъ внутреннихъ неурядицъ.

Тибетцы окончательно овладѣли Хэ-си въ 764 г. Но уже столѣтіемъ раньше въ эту область стали проникать съ сѣвера различныя тюркскія племена; такъ, напримѣръ, тукіэсцы дважды, въ 682 и 720 годахъ, опустошали округъ Лянъ-чжоу. Эти вторженія едва ли однако оставили какіе нибудь слѣды въ этнологіи края; гораздо бѣльшее для него значеніе должны были имѣть нашествіе уйгуровъ, въ началѣ VIII вѣка перекочевавшихъ изъ Халхи въ долину р. Эцзинъ-гола и остававшихся тамъ до 744 года, т. е. до паденія восточно-тукіэскаго ханства, и сильное переселеніе въ 790 г. въ окрестности г. Гань-чжоу тюрковъ-шато; эти шато покинули впрочемъ Хэ-си уже въ 808 г., когда всей массой, преслѣдуемые по пятамъ тибетцами, двинулись на востокъ, за Желтую рѣку.

Въ 844 г. образовавшееся на развалинахъ тукіэской державы уйгурское ханство пало; но вслѣдъ засимъ нѣкоторые изъ составлявшихъ его родовъ успѣли сплотиться и образовать два государства, изъ коихъ восточное, основанное въ Хэ-си и имѣв-

---

¹⁾ В. Успенскій („Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“, въ „Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ. по отдѣл. этногр.“ 1880, VI, 2, стр. 122—123), утверждаетъ, что на сѣверные склоны Нань-шаня, а засимъ и далѣе на востокъ выселился почти весь тогонскій народъ. Такъ ли это — мы это увидимъ ниже.

шее своей столицей г. Гань-чжоу, просуществовало лишь до 1028 г., когда и было завоевано тангутами.

Самое раннее упоминание о тангутах находимъ мы въ надписи на памятникѣ въ Кошо-Цайдамѣ, поставленномъ въ 734 г. тюркскому кагану Могилянъ ¹⁾; а такъ какъ на томъ же памятникѣ говорится не только о тангутахъ, но и тибетцахъ ²⁾, то очевидно, что въ то время тюрки видѣли въ тангутахъ отличный отъ тибетцевъ народъ. «Исторія монголовъ» Рашидъ-эд-Дина (глава о племени тангутъ) ³⁾ убѣждаетъ насъ въ томъ, что наименование это приурочивалось къ народу смѣшаннаго происхожденія, но главнымъ элементомъ коего были дансяны ⁴⁾.

Дансяны, говоритъ китайская лѣтопись, уже во времена Ханьской династїи составляли отдѣльное поколѣніе западныхъ цяновъ, жившее къ югу отъ оз. Куку-нора, на правомъ берегу Желтой рѣки ⁵⁾. Въ началѣ VI вѣка, съ паденіемъ могущества танчанскихъ цяновъ ⁶⁾, они быстро усилились и вскорѣ заняли

¹⁾ Радловъ и Меліоранскій — „Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи“, IV, 1897, стр. 24.

²⁾ Ib., стр. 17.

³⁾ „Записки Императ. Археол. Общ.“, XIV, стр. 119—123.

⁴⁾ См. Klaproth—«Description de la Chine sous le règne de la dynastie mongole» въ «Nouv. Journ. Asiat.», XI, 1833, стр. 461; Pauthier — „Le livre de Marco Polo“, I, стр. 152 и 162; Howorth—«The Northern Frontagers of China», VI, „Hia or Tangut“ въ „Jour. of the R. As. Soc. of Gr. Brit. a Ir.“, XV, 1883, стр. 439.

Въ цитированномъ выше сочиненіи Клапротъ высказываетъ предположеніе, что слово „тангутъ“ произошло отъ слова „данъ-сянь“, съ чѣмъ соглашается и Howorth. Въ „Си-цанъ-фу“ приводится однако слѣдующее преданіе: „Танъ-гу-де потомки танъ-гу-гюѣ. Происхожденіе слова „гу-гюѣ“ слѣдующее: въ древности этотъ народъ жилъ въ западной странѣ, въ Алтайскихъ горахъ. Они были превосходные кузнецы и ковали изъ желѣза шлемы, бывшіе извѣстными подъ именемъ „гу-гюѣ“, перенесенномъ въ послѣдствїи и на мѣстность ихъ производства. Современные тангуты и кукунорскіе фанъ-цзы носятъ шляпы, напоминающія желѣзные горшки, высокія и съ узкими краями, обшитыя красной бахрамой. Это ихъ сходство со шлемомъ и доказываетъ правильность вышесказаннаго“ (Рокхиль—„Въ страну ламъ“, стр. 53). Это, хотя и темное, указаніе свидѣтельствуемъ однако, что наименование „тангу“ принадлежало первоначально народу, пришедшему съ сѣвера, всего вѣроятнѣе сяньбїйцамъ „тоба“, успѣвшимъ объединить подъ своей властью многія цянскія поколѣнія. Если это такъ, то вышеприведенное предположеніе Клапрота слѣдуетъ считать ошибочнымъ.

⁵⁾ Іакинфъ, ib., стр. 237.

⁶⁾ О нихъ см. выше, стр. 12.

часть принадлежавшихъ этимъ послѣднимъ земель въ области правыхъ притоковъ верхней Хуань-хэ. Этому усиленію дансяновъ, надо думать, въ значительной мѣрѣ способствовали сяньбійцы-тоба, которые, покоривъ ихъ въ 448 году, дали имъ энергичныхъ правителей, происходившихъ изъ боковой линіи тобаскаго императорскаго дома Юань-вэй.

Хотя дансяны и причисляются китайскими историками къ западнымъ цянамъ, но у тѣхъ же историковъ мы находимъ указаніе, что такъ называемые «черные дансяны», жившіе въ горахъ, служащихъ водораздѣломъ Тао-хэ и Вэй-шуя, составляли одно изъ дискихъ поколѣній ¹⁾, и далѣе, что къ западу отъ этихъ дансяновъ жили «байланскіе цяны», извѣстные у тибетцевъ подъ именемъ динлиновъ ²⁾ и распадавшіеся на два отдѣла, изъ коихъ западный входилъ также въ составъ дансянскихъ родовъ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что дансяны были народомъ смѣшаннаго происхожденія, въ которомъ преобладали три элемента—тибетскій, сяньбійскій и дискій ³⁾.

¹⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 241.

²⁾ Іакинфъ, *ib.*, стр. 242.

³⁾ У Pfizmaier'a („Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui“ въ „Sitzungsberichte der Kais. Akadem. der Wiss., philos.-histor. Classe“, В. 97, 1881, S. 452) находимъ указаніе, что сами себя дансяны называли „ми-хоу“. Тибетцы же именовали ихъ „минягъ“ (Schmidt—„Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses verfasst von Sse-nang Ssetsen Chungtaidschi“, стр. 388; Васильевъ — „Исторія и древности восточной части Средней Азии съ X по XIII в.“ въ „Трудахъ восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества“, IV, 1859, стр. 86). О минягахъ въ „Географіи Тибета“ Миньчжунъ хутукты, стр. 46, находимъ: „На востокъ, по переправѣ изъ Литана черезъ р. Нагъ-чу, находится царство Минягъ... Жители этой страны не суть настоящіе тибетцы“; отличаясь наружностью отъ этихъ послѣднихъ („жители страны Ньягронъ похожи на минягцевъ“), они имѣютъ и свой особый языкъ („жители Мар-Хамс'а свирѣпы и грубы и говорятъ какъ минягцы“). Эти указанія очень важны, такъ какъ даютъ намъ возможность съ точностью опредѣлить ту не-тибетскую народность, къ которой принадлежали древніе дансяны. Монголамъ наименованіе минягъ было также извѣстно; такъ, у Сананъ Сэцена читаемъ: „Den tangutischen Tschingssang-Nojan liess er hinrichten und brachte das Volk Minak zur Ruhe und Ordnung (Schmidt, *op. cit.*, стр. 121; см. также стр. 103 и 287).

Страна Минягъ называется иначе Чжала, по китайски Чжань-туй. У Hodgson'a („Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“, II, стр. 65—82) приведенъ небольшой словарь миняг'скаго (онъ пишетъ — маніакъ) языка.

Въ 640-хъ годахъ старшина (князекъ) Тоба-Чицы призналъ себя вассаломъ Китая, за что и удостоенъ былъ высшаго отличія—причисленія къ императорской фамилии Ли ¹⁾; одновременно всѣ динсянскія земли на востокъ отъ верховій Желтой рѣки и хребта Цзи-ши-шань (Амнэ-мачинъ) вошли въ составъ Китайской имперіи. Въ эпоху тугухуньско-тибетскихъ распрей дансяны, будучи не въ силахъ противиться напору тибетцевъ, покинули свою родину (въ 660 г.) и съ разрѣшенія китайскихъ властей, имѣя во главѣ сяньбійцевъ-тоба, переселились въ округа Цинъ-чжоу ²⁾, Линъ-чжоу ³⁾ и Ся-чжоу ⁴⁾, гдѣ и смѣшались съ китайцами и остатками хунновъ, шатосцевъ, тюрковъ и тугухунцевъ ⁵⁾. Изъ этого то конгломерата различныхъ народностей къ концу X вѣка сложился народъ, положившій начало тангутскому государству Ся-го, достигшему наибольшаго могущества въ 30-хъ годахъ XI вѣка и покоренному Чингисъ-ханомъ въ 1226 году ⁶⁾.

Далеко однако не всѣ дансяны увлечены были тоба'скими

1) Танская династія принадлежала къ фамилии Ли.

2) Нынѣ Цинъ-янъ-фу въ пров. Гань-су.

3) Округъ этотъ въ 1724 г. присоединенъ былъ къ Нинъ-ся-фу; городъ Линъ-чжоу, бывшій съ 1003 г. столицей Ся-го, лежалъ на правомъ берегу р. Хуанъ-хэ, въ 40 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Нинъ-ся. См. Іакинфъ, *ib.*, стр. 242.

4) Нынѣ Нинъ-ся-фу.

5) Devéria — „L'écriture du royaume de Si-hia ou Tangout“ („Memoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres“, I, 1 série, I part., p. 28).

6) О физическихъ особенностяхъ этого народа намъ почти ничего не извѣстно. Только о Тоба Юанъ-хао говорится, что онъ имѣлъ средній ростъ, лицо круглое, носъ возвышенный. Марко Поло описываетъ тангутовъ въ такихъ выраженіяхъ: „Les genz sont grasses genz et ont petiz nes et les cheveus noirs; et n'ont nulles barbes fors (excepté) aucuns peles (poil) au guernon (moustache)... Les fames sont moult belles et blanches de toutes façons“... (Pauthier, *op. cit.*, I, стр. 205). Слѣдуетъ имѣть однако въ виду, что во времена Марко Поло этнической составъ бывшаго государства тангутовъ долженъ былъ измѣниться вслѣдствіе значительнаго притока тюрко-монгольскаго элемента, явившагося на смѣну тангутскому (дансянскому), весьма сильно порѣдѣвшему во время войнъ съ Чингисъ-ханомъ (см. Грумъ-Гржимайло — „Опис. пут. въ Зап. Китай“, т. II, стр. 63). Такъ какъ при взятіи населенныхъ пунктовъ монголами избивались преимущественно мужчины, то восхищеніе Марко Поло красотой тангутскихъ женщинъ, долженствовавшихъ сохранить кавказскія черты лица, совершенно понятно.

старшинами на сѣверъ; нѣкоторые роды ихъ, и въ томъ числѣ байланскіе динлины, остались въ Амдо, гдѣ и были три года спустя (т. е. въ 663 г.) покорены тибетцами ¹⁾. Засимъ, съ момента распадѣнія въ 866 г. Тибетскаго государства до эпохи Чингисъ-хана ни о какихъ дальнѣйшихъ передвиженіяхъ народныхъ массъ въ предѣлахъ Куку-нора, Гань-су и сѣверной Сычуани, если не считать вторженія въ область верхняго теченія Желтой рѣки чжурчженей, принадлежавшихъ къ тунгусской народности, въ исторіи не упоминается.

XIII и начало XIV вѣка ознаменовались проникновеніемъ на сѣверныя окраины Тибета монгольскаго элемента. Къ 1370 г. китайцы застали уже всю страну къ сѣверу отъ Нань-шаньскихъ горъ и къ западу отъ оз. Куку-нора занятой монголами и омонголенными тюрками ²⁾, которые образовали здѣсь семь княжествъ — Ха-мѣй-ли, Чи-гинь-мэнъ-гу, Хань-дунъ восточное, Хань-дунъ западное, Ша-чжоу, Ань-динъ, А-дуань и Цюй-сянь ³⁾. Что однако въ эту эпоху и даже позднѣе тибетскія племена еще удерживали въ своей власти Куку-норъ и долину Бухайнъ-гола, а можетъ быть даже и долину верховій р. Дань-хэ, это явствуетъ изъ всеподданнѣйшаго ходатайства ша-чжоу'скаго князя Кунъ-цзи-лай'я, который, ссылаясь на невозможность собственными силами оградить Ша-чжоу отъ набѣговъ тангутовъ, просилъ разрѣшенія со всѣмъ своимъ народомъ переселиться въ предѣлы Китая ⁴⁾.

Въ область оз. Куку-нора монголы стали проникать лишь съ начала XVI вѣка, притомъ первоначально не съ сѣвера, а съ востока, изъ Ордоса. Именно, въ десятихъ годахъ сказаннаго столѣтія сюда бѣжалъ съ ордосцами Ибура-тайши, который въ очень короткій срокъ (къ 1512 году) овладѣлъ всей страной между г. Гань-чжоу-фу и Сунъ-пан'омъ, между долиной р. Хуанъ-хэ и ур. Гасъ; но, повидимому, завоеваніе это оказалось непрочнымъ, такъ какъ уже въ 1530 г. мы застаемъ Ибуру вновь

¹⁾ Иакинфъ, *ib.*, стр. 242. См. также стр. 137, прим. 144, 146, 177, 185 и 186.

²⁾ Заключаю это изъ того, напимѣрь, факта, что одинъ изъ кошунновъ аньдинскихъ монголовъ удержалъ древнее племенное названіе уйгуровъ-тэлэ (См. Грумъ-Гржимайло. — „Описаніе путешествія въ Зап. Китай“, II, стр. 70).

³⁾ Грумъ-Гржимайло, *op. cit.*, II, стр. 67—70.

⁴⁾ Въ 1434 году (*ib.*, стр. 69).

на его родовыхъ кочевьяхъ, въ горахъ Ала-шань. Тѣмъ не менѣе съ этого времени Куку-норъ сталъ пользоваться завидной славой у восточныхъ монголовъ, и съ легкой руки Ибуры-тайши сюда стали стекаться монголы, недовольные общимъ положеніемъ дѣлъ у себя, на родинѣ¹⁾. Въ 1559 г. этой страной, а равно и сопредѣльнымъ Амдо, овладѣлъ ордоскій князь Алтанъ-ханъ, который и посадилъ одного изъ своихъ сыновей княжить на Куку-норѣ, а другого въ Сунъ-панѣ, къ югу отъ р. Хуанъ-хэ. Одновременно съ Алтанъ-ханомъ откочевали на западъ и другіе роды восточныхъ монголовъ (Чэченъ-тайши), занявшіе подъ свои кочевья Юй-гу, т. е. «Ильмовыя долины»²⁾.

Въ 1588 г. впервые³⁾ въ окрестностяхъ Синина появились ойраты, но, будучи отброшены китайцами къ сѣверу, основались въ Нанъ-шаньскихъ горахъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1638 году, въ область Куку-нора проникли хошоуты и торгоуты⁴⁾. Къ 1644 г. политическія обстоятельства сложились настолько благопріятно для кукунорскихъ монголовъ, что ханъ ихъ безъ особыхъ усилій овладѣлъ всѣмъ Тибетомъ, наложивъ одновременно свою тяжелую руку какъ на провинцію Камъ, такъ и на земли, лежащія на западъ отъ г. Ганъ-чжоу. Къ этому именно времени относится фактическое⁵⁾ вытѣсненіе тибетскихъ родовъ за Хуанъ-хэ. Въ 1678 г. бѣжали за Нанъ-шань и присоединились къ хошоутамъ подъ фамиліей Чоросъ нѣкоторые джунгарскіе родовичи; за ними вскорѣ послѣдовали многіе выходцы изъ Халхи и наконецъ нѣкоторыя отдѣленія ойратскаго рода Хойтъ. Этимъ послѣднимъ переселеніемъ закончились всѣ миграціи монголовъ на сѣверныя окраины Тибета съ сѣвера, послѣ чего Куку-норъ и Цайдамъ оказались подѣленными между хошоутами, торгоутами, чоросами, хойтами и халхасцами.

Не касаясь засимъ послѣдующихъ историческихъ событій, ареной коихъ были Тибетъ и Куку-норъ, я замѣчу лишь, что

¹⁾ Грумъ-Гржимайло, *ib.*, стр. 80—81.

²⁾ Такъ называлась въ прежнее время мѣстность въ области правыхъ притоковъ верхней Хуанъ-хэ.

³⁾ Въ Хэси они появлялись однако и раньше; см. Грумъ-Гржимайло, *ib.*, стр. 92.

⁴⁾ Успенскій — „Страна Куку-норъ или Цинъ-хай“. (Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“. VI, 1880, стр. 166); Иакинфъ — „Историческое обозрѣніе ойратовъ“, стр. 46.

⁵⁾ Успенскій, *op. cit.*, стр. 167.

маньчжурамъ рядомъ систематически проведенныхъ мѣропріятій удалось къ 1725 году подчинить своей власти обѣ эти страны и добиться въ ней вполне устойчиваго положенія дѣлъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ сего была утрата монголами ихъ прежней воинственности, а засимъ быстрая деморализація, сонъ и апатія, которые мало по малу довели ихъ до состоянія, которое даже китайцами признано было жалкимъ. Такъ, ганьсуйскій генераль-губернаторъ Наянь-ченъ въ 1822 г. доносилъ: «Монголы большею частью разбѣжались и кочуютъ вблизи китайскихъ лагерей и пикетовъ; другіе поселились вблизи городовъ, ища защиты. Особенно много ихъ бродитъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Сининъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Да-тунъ, и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню. Бѣдность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее состраданіе; собрать ихъ и водворить среди нихъ какой либо порядокъ нѣтъ никакой возможности. Земли къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ на нѣсколько тысячъ ли совершенно опустѣли, и по нимъ всюду и свободно разгуливаютъ ѣ-фани (степные фани), переселившіеся съ южнаго берега Желтой рѣки, собираясь толпами и производя грабежи» ¹⁾.

Желтая рѣка была положена сѣверной границей кочевій тибетскихъ родовъ въ 1726 году; только тангутамъ рода Арикъ отведены были земли къ сѣверу отъ нея, въ долинѣ озера Тосунъ-норъ ²⁾, но съ обязательствомъ нести воинскую повинность наравнѣ съ монголами и съ зачисленіемъ ихъ въ монгольскія роты ³⁾. На лѣвый берегъ Хуанъ-хэ си-фани ⁴⁾ перешли въ

¹⁾ Успенскій, *op. cit.*, стр. 185.

²⁾ W. W. Rockhill — „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, 1891—1892“, стр. 112.

³⁾ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, въ переводѣ Попова. („Зан. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, XXIV, стр. 437).

⁴⁾ Рокхиль въ цитированномъ выше сочиненіи о тангутахъ области Куку-нора замѣчаетъ между прочимъ: „Всѣ роды кукунорскихъ тибетцевъ принадлежали къ восьми поколѣніямъ съ названіемъ На (Нагъ), вслѣдствіе чего они стали извѣстны подъ смѣшаннымъ именемъ Па-на-ка или Па-на-ка-сумъ, т.-е. восьми семействъ На или трехъ (отдѣленій) восьми семействъ На; послѣднее названіе, какъ кажется, сравнительно недавнее, указываетъ, какъ мнѣ говорили, на три части страны, въ настоящее время занятыя панака: къ сѣверу отъ оз. Куку-нора, къ югу отъ него и къ югу отъ Желтой рѣки Ма-хари-панака. Это наименованіе „панака“ или „панака-сумъ“ они нынѣ усвоили въ качествѣ племеннаго названія и говорятъ о себѣ: мы панака-сумъ“. А. Позднѣевъ („Сказаніе о хожде-

1796 году; съ этихъ же поръ стремленіе ихъ къ Куку-нору не прекращалось ¹⁾, и въ настоящее время, не смотря на принимавшія противъ нихъ китайскимъ правительствомъ репрессивныя мѣры, они вытѣснили монголовъ даже изъ ближайшихъ окрестностей озера, при чемъ помянутый выше родъ Арикъ выдвинулся далеко на сѣверъ и занялъ долины средняго теченія р. Да-туна и р. Бабо-хэ ²⁾).

Кромѣ монголовъ въ юань'скую эпоху въ провинцію Гань-су проникъ народный элементъ, до той поры остававшійся чуждымъ этой странѣ—уроженцы Персіи, Хивы, Самарканда и другихъ мѣстностей иранской Азіи, которые, будучи уведены на востокъ Чингисъ-ханомъ, сплотились здѣсь, благодаря единству религіи, въ единый народъ—современныхъ дунганъ ³⁾).

Такова исторія народныхъ передвиженій въ намѣченныхъ выше предѣлахъ Средней Азіи, объясняющая намъ нѣкоторыя особенности того сложнаго типа, который представляетъ въ настоящее время тангутская народность.

Ядромъ ея послужили древніе цяны, отъ которыхъ тангуты, какъ и остальные тибетцы, преемственно заимствовали языкъ, принадлежащій къ семьѣ индокитайскихъ или односложныхъ языковъ, на коихъ объясняется нынѣ группа народовъ, отно-

---

ніи въ Тибетскую страну мало-дѳрбѳтскаго База бакши“, стр. 169—170) находитъ такое разъясненіе значенія племеннаго прозванія панака-сумъ неестественнымъ и рядомъ умозаключеній приходитъ къ выводу, что „панака-сумъ“ означаетъ „три черноюртныя, что вполне согласуется и съ духомъ восточныхъ племенныхъ именъ“.

¹⁾ По свидѣтельству Рокхила, переселеніе панака на сѣверъ особенно усилилось въ шестидесятихъ годахъ, когда китайское правительство, занятое борьбой съ возставшими дунганами, было не въ силахъ его сдержать.

²⁾ Потанинъ. „Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія“, I, стр. 419.

³⁾ Независимо отъ дунганъ должны быть упомянуты такъ называемые „саларскіе мусульмане“, населяющіе окрестности Сюнь-хуа-тин'а и долину Баянъ-ронъ; ихъ считаютъ тюрками, и дѣйствительно, живущіе въ окрестностяхъ Сюнь-хуа-тина салары сохранили въ полной мѣрѣ знаніе тюркскаго языка; сами же себя они считаютъ потомками самаркандскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ въ 1370-хъ годахъ, вслѣдствіе неурядицъ, въ Китай, что подтверждается и „Исторіей династіи Минъ“. Физическія особенности ихъ типа намъ однако мало извѣстны (Rockhill—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“; его же — „Въ страну ламъ“, стр. 32; Потанинъ—„Танг.-тиб. окраина Китая и Центр. Монголія“, I).

сящихся, по своимъ физическимъ особенностямъ, главнымъ образомъ къ переходнымъ типамъ между монгольскимъ и малайскимъ, т. е. къ типамъ, удержавшимъ наиболѣе характерныя черты монгольской расы. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ считать и первобытныхъ цяновъ народомъ монгольской расы, характеризующейся: ростомъ ниже средняго (отъ 1,65 до 1,60 метра включительно), короткой шеей, приземистыми конечностями, сравнительно большой головой, соединяющей въ себѣ общіе признаки, свойственные крайнему коротколовому типу, и плоскимъ, съ мало выраженною прогнатичностью, лицомъ, особенно широкимъ на уровнѣ выдающихся наружу скулъ; очень слабо развитыми надбровными дугами и надпереносьемъ, очень широкимъ, какъ бы сплюснутымъ, межглазничнымъ промежуткомъ и приплюснутымъ, у корня даже вогнутымъ, небольшимъ носомъ; косо поставленными и, вслѣдствіе особаго устройства вѣкъ, кажущимися маленькими, всегда черными глазами; смуглой, желтовато-бѣлой, безъ примѣси розоваго или коричневаго оттѣнковъ, кожей; прямыми, жесткими, довольно длинными черными волосами на головѣ; длинными черными усами въ видѣ тонкихъ кистей; рѣдкой черной же бородой и отсутствіемъ бакенбардъ.

Современный тангутъ, какъ земледѣлецъ, такъ и номадъ, далеко уклонился однако отъ этого основного монгольскаго типа. Ганьсуйскихъ тангутовъ Пржевальскій описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ¹⁾: «Своимъ типомъ тангуты отчасти напоминаютъ цыганъ ²⁾». Общій ростъ ихъ средній, частью даже большой, сложеніе коренастое, плечи широкія; волосы, брови, усы и борода у всѣхъ, безъ исключенія, черные; глаза черные, обыкновенно большіе или средней величины, но не узко прорѣзанные, какъ у монголовъ; носъ прямой, иногда (не особенно рѣдко) орлиный или вздернутый къ верху; губы большія и довольно часто отвороченныя; скулы хотя и выдаются, но не столь сильно, какъ у монголовъ; лицо вообще продолговатое, но не плоское; черепъ круглый; зубы отличные, бѣлые; общій цвѣтъ кожи смуглый, у женщинъ иногда матовый; кромѣ того женщины, вообще, меньше ростомъ, нежели мужчины“. Въ про-

¹⁾ „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 256.

²⁾ Въ подобныхъ же выраженіяхъ характеризуетъ ганьсуйскихъ тангутовъ и Бель („The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria“, стр. 68).

тивоположность монголамъ и китайцамъ, у тангутовъ сильно растутъ усы и борода, но они всегда ихъ брѣютъ». О харатунгутахъ Куку-нора онъ замѣчаетъ, что они отличаются отъ своихъ собратій въ Гань-су сравнительно бѣльшимъ ростомъ и болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи ¹⁾. У тибетцевъ-камъ изъ долины р. Ды-чю онъ подмѣтилъ другую особенность — черепъ скорѣе продолговатый, чѣмъ округлый ²⁾; у тангутовъ же съ верховій Хуань-хэ — уклоненіе въ сторону основного монгольского типа ³⁾, что находитъ себѣ объясненіе въ фактѣ приселенія сюда въ 1559 году ордосскихъ монголовъ ⁴⁾. Въ г. Гуй-дэ-тинѣ мы встрѣтили субъектовъ, которые, будучи не отличимы по одеждѣ и физическимъ особенностямъ отъ мѣстныхъ тангутовъ, тѣмъ не менѣе выдавали себя за монголовъ, что и доказывали знаніемъ монгольского языка. Наконецъ, о тибетцахъ, кочующихъ въ горахъ Танъ-ла, тотъ же путешественникъ пишетъ: ростъ ихъ средній, рѣдко высокій; грудь впалая; сложеніе, вообще, не сильное: черепъ продолговатый, сжатый съ боковъ, лицо вытянутое, скулы мало выдающіяся, лобъ плоскій, переносица вдавленная, носъ всего чаще прямой и тонкій; глаза большіе, черные, не косые и не глубоко посаженные; уши не оттопыренные и средней величины; губы иногда толстыя; подбородокъ выдающійся; передніе зубы рѣдкіе и широкіе, безобразно выдающіеся впередъ; волосы на головѣ черные, длинныя, сбивающіеся клочковатыми прядями; цвѣтъ кожи очень смуглый, точнѣе — свѣтло-кофейный; женщины малорослы и обыкновенно некрасивы, но цвѣтъ лица у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у мужчинъ, а передніе зубы болѣе правильно поставлены (т. е., что онѣ менѣе прогнатичны, чѣмъ мужчины?) ⁵⁾.

Рокхиль, утверждая, что всѣ роды тибетцевъ-кочевниковъ, населяющихъ восточный Тибетъ, носятъ одно общее имъ всѣмъ

¹⁾ Ib., стр. 257.

²⁾ „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима“ (Четвертое путешествіе), стр. 183.

³⁾ „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки“. (Третье путешествіе), стр. 343.

⁴⁾ См. выше, стр. 20.

⁵⁾ Ib., стр. 252.

наименованіе — друпа или друкпа ¹⁾, даетъ такую характеристику физическихъ особенностей этихъ послѣднихъ ²⁾:

Они очень стройнаго тѣлосложенія и широки въ плечахъ; мускулы ихъ тѣла, за исключеніемъ, впрочемъ, грудныхъ, развиты довольно слабо; замѣчаніе это касается также ногъ, въ особенности же икръ; ступни ногъ и кисти рукъ непропорціо-нально велики. По формѣ головы они принадлежатъ къ коротко-головому типу; лобъ у нихъ высокій, но узкій; носъ толстый, иногда вдавленный при основаніи, иногда же выдающійся и даже орлиный; ноздри при острой спинкѣ носа часто широкія; глаза, расположенные горизонтально, въ большинствѣ случаевъ большіе, каріе и даже нерѣдко свѣтло-каріе (hazel); скулы выдающіяся, однако далеко не столь сильно, какъ у монголовъ; уши болѣе прижаты къ головѣ, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, но въ то же время большаго, чѣмъ у нихъ, размѣра; ротъ большой; губы не особенно толстыя, у жителей долинъ даже тонкія; зубы крѣпкіе, но неправильные; волосы на головѣ почти безъ исключенія — волнистыя; борода очень рѣдкая; только въ княжествахъ Драйя и Чамдо встрѣчаются субъекты съ пышной бородой и тѣломъ, поросшимъ волосами; вообще однако тибетцы не имѣютъ волосъ на груди и конечностяхъ. Ростъ ихъ средній (1,65 метра); женщины лишь немногимъ ниже ³⁾. Дородныхъ мужчинъ среди друпа вообще не встрѣчается, но полныя женщины не рѣдки; онѣ и въ лицѣ полнѣе мужчинъ. Груды у нихъ небольшія и не отвислыя; плодовитостью онѣ не отличаются и бездѣтныхъ среди нихъ не мало. Мускулы тѣла развиты у нихъ сравнительно сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, что объясняется тяжелой физической работой, выпадающей на ихъ долю ⁴⁾. Волосы у нихъ длинные, жесткіе, но не грубые, сѣдѣющіе, да и то неполнѣ, въ самой глубокой старости — замѣчаніе, которое слѣдуетъ отнести и къ мужчинамъ, среди которыхъ въ зрѣломъ

¹⁾ „Въ страну ламъ“, стр. 126.

²⁾ „Notes on the Ethnology of Tibet“ (въ „Report of the U. S. National museum“, 1895, стр. 673 и слѣд.); „Въ страну ламъ“, стр. 54.

³⁾ Въ „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“ онъ опредѣляетъ предѣльный ростъ въ 1,73 метра и говоритъ, что женщины не ниже мужчинъ.

⁴⁾ Въ „Описаніи Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи“ (переведено съ китайскаго Іакинфомъ), стр. 157, говорится также: „Женщины въ Тибетѣ сильнѣе, а мужчины напротивъ слабѣе сложеніемъ“.

возрастѣ плѣшивые, однако, вовсе не рѣдки. Кожа, имѣющая у друппа лишь слабый специфическій запахъ, на ощупь—грубая и жирная; цвѣтъ ея свѣтло-коричневый, но нерѣдко также—почти бѣлый; румяныя щеки у дѣвушекъ — явленіе заурядное.

Наибольшее отклоненіе отъ этого типа представляетъ населеніе княжества Хоръ-ба, отличающееся отъ друппа менѣе рѣзкими и грубыми чертами лица, прекрасными большими глазами, почти всегда орлинымъ носомъ и нерѣдко вьющимися волосами; особенной же миловидностью и даже красотой выдѣляются въ Хоръ-ба женщины ¹⁾. Индивидуумы съ вьющимися волосами, тонкимъ орлинымъ носомъ и большими глазами встрѣчаются впрочемъ довольно часто и въ остальномъ восточномъ Тибетѣ, въ области же, занятой друппа, этотъ типъ рѣдокъ; по крайней мѣрѣ Рокхиль встрѣтилъ тамъ всего лишь одного туземца, похожаго на переодѣтаго европейца, а именно, на территоріи такъ называемыхъ Намцо-камба ²⁾.

Къ этимъ характеристикамъ физическихъ особенностей современныхъ тибетцевъ я, съ своей стороны, могу добавить лишь весьма немногое.

Не смотря на слегка сжатую съ боковъ форму черепа, голов-

¹⁾ „Въ страну ламъ“, стр. 159; Hodgson въ „Essays of the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“, II, стр. 78, даетъ намъ детальное описаніе уроженца страны Хоръ-ба. Находя, что чертами лица и всей своей изящной фигурой означенный субъектъ напоминалъ арійца, онъ въ то же время очерчиваетъ его внѣшность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ростъ высокій (1,71), но сложеніе далеко не сильное; руки нѣсколько длиннѣе, а ноги короче, чѣмъ у европейца; голова небольшая (54 сант. въ окружности); форма черепа продолговатая (изъ приводимыхъ Hodgson'омъ цифровыхъ данныхъ я вычислилъ головной указатель равнымъ 79,9, что составляетъ предѣльную цифру для среднеголового типа); лицо довольно длинное, овальной формы; лобъ узкій и довольно низкій, но не покатыи назадъ; лобные бугры и надбровныя дуги мало замѣтны; скулы также не выступающія впередъ; глаза довольно большіе, каріе, съ вѣками, прикрывающими слезныя бугорки (такая форма вѣкъ — отличительный признакъ монгольской расы); носъ прямой, не слишкомъ выдающійся, ноздри продолговатыя, овальныя; надпереносица широкая; ротъ красивой формы, губы полныя, но не вывороченныя; зубы оргогнатичны, хорошо поставленные, но не прочныя, челюсти небольшія; подбородокъ округлый, не уходящій назадъ. Цвѣтъ кожи очень смуглый, безъ румянца на щекахъ. Волосы на головѣ черныя, густыя, длинныя, прямыя и довольно жесткіе. Усы небольшіе; бакенбарды густыя; бороды, а равно волосъ на груди и конечностяхъ, не имѣется.

²⁾ Ib., стр. 120.

ной указатель тибетца Гань-су и Куку-нора поставить его, какъ я думаю, въ ряду короткоголовыхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ подъ-короткоголовыхъ (по классификаціи Брока), что объясняется какъ его плоскимъ затылкомъ, такъ и слабо выступающимъ надъ-переносьемъ. Тибетецъ изъ указанныхъ выше районовъ безусловно ортогнатиченъ; субъектовъ, подобныхъ встрѣченнымъ Пржевальскимъ въ горахъ Танъ-ла, мнѣ вовсе не попадалось; со стороны фаса лицо у него хотя и не такъ сильно выступаетъ по средней линіи, какъ у европейца, но все же далеко уклонилось и отъ характерной для монгола формы—сплющенной по срединѣ и выступающей впередъ своими широкими боковыми частями. Лобъ у него прямой (почти вертикальный) и плоскій, т. е. съ слабо выраженными лобными буграми и надбровными дугами (исключенія весьма рѣдки); межглазничное пространство не шире, чѣмъ у европейца; глаза выступающіе и придающіе, въ особенности благодаря длиннымъ и толстымъ вѣкамъ, складками опускающимся кнаружи, многимъ тибетскимъ лицамъ особый своеобразный отпечатокъ; ротъ рѣдко большой; губы—чаще тонкія (толстыхъ и вывороченныхъ мнѣ видѣть не доводилось); подбородокъ выдающійся.

Суммируя всѣ эти данныя, мы не можемъ не придти къ заключенію, что современный тибетецъ имѣетъ значительную примѣсь крови бѣлой расы.

Нѣкоторые антропологи объясняютъ темный цвѣтъ кожи тибетцевъ, ихъ большіе черные глаза, выдающійся носъ и курчавые волосы ранней метисаціей съ дравидійскими племенами. Не установлено однако, что римскій носъ и красивые большіе глаза составляли расовыя отличія первобытныхъ дравидійцевъ, а не явились результатомъ метисаціи этихъ послѣднихъ съ арійцами, вторгшимися въ Индію за 2000 лѣтъ до Р. Хр. Съ другой стороны почти не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что автохтонами южнаго Китая и южнаго Тибета были коларійскія племена, характеризующіяся малымъ ростомъ, темнымъ, почти чернымъ, цвѣтомъ кожи, долихоцефаліей, убѣгающимъ назадъ лбомъ, широкимъ плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими глазами, вдавленной переносицей, большимъ приплюснутымъ носомъ, толстыми губами, прогнатичными челюстями и зубами и блестящими прямыми волосами. Не результатомъ ли метисаціи съ этими автохтонами долины Цзамбо явились физическія особенности танла'скихъ тибетцевъ, выражаю-

щіяся въ челюстномъ и зубномъ прогнатизмѣ, вдавленной переносицѣ и весьма темномъ (свѣтло-кофейномъ) цвѣтѣ кожи?

Рокхиль, какъ это выше указывалось, подмѣтилъ, что европейскій типъ попадаетъ всего чаще въ восточномъ Тибетѣ, Desgodins же добавляетъ, что у мѣстныхъ тибетцевъ цвѣтъ волосъ въ дѣтствѣ почти всегда свѣтло-каштановый ¹⁾, совокупность каковыхъ фактовъ приводитъ насъ къ заключенію, что кавказскія черты лица у современнаго населенія восточнаго Тибета явились результатомъ происшедшаго здѣсь смѣшенія цянговъ съ бѣлокурой расой, т. е. динлинами.

Изъ сопоставленія вышеизложенныхъ данныхъ вытекаетъ слѣдующій ходъ этнологическаго развитія тибетскаго племени.

Уже въ глубочайшей древности, пишетъ Миньчжуль-хутукта ²⁾, встрѣчаемъ мы среди тибетскихъ царей, вельможъ и лоцзавъ (переводчиковъ) лицъ, носящихъ фамиліи китайскія и хорскія (монгольскія), изъ чего явствуется, что нельзя говорить съ увѣренностью объ единствѣ происхожденія народа тибетскаго. Это указаніе подтверждаетъ китайское извѣстіе о заселеніи Тибета си-цзянами — выходцами изъ внутренняго Китая ³⁾; такъ какъ

¹⁾ „Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires“, 2 édit., стр. 255. Далѣе Desgodins пишетъ: „Quelques-uns conservent la couleur châtain foncé toute leur vie“.

²⁾ „Географія Тибета“, перев. В. Васильевымъ, стр. 56.

³⁾ У Іакьинфа („Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 1—2) читаемъ: „Западные цяны ведутъ происхожденіе отъ князя Сань-міао, который составлялъ особливую линію дома Цзянь и котораго куно съ его народомъ государь Яо еще въ 2282 г. до Р. Хр. вывелъ въ Сань-вэй“. Въ примѣчаніи же къ сему говорится: „Сань-міао со своимъ народомъ выведенъ изъ провинціи Ху-нань. Ю-чжоу-фу есть первобытное жилище сего народа, коего потомки, существующіе въ помянутой области и донинѣ, различествуютъ отъ китайцевъ и языкомъ и образомъ лица“. Это послѣднее указаніе, согласно имѣющимся въ литературѣ даннымъ, не вѣрно. Въ области Ю-чжоу-фу нѣтъ инородцевъ; послѣдніе, правда, удержались еще въ области Юнь-чжоу-фу, но такъ какъ они принадлежатъ къ маньскому племени Яо, то къ нимъ и не можетъ относиться вышесказанное. Да и неправдоподобно, чтобы государь Яо могъ вывести цянговъ изъ-за р. Янь-цзы-цзяна, куда, къ слову сказать, его власть даже не распространялась, съ тѣмъ, чтобы поселить ихъ затѣмъ на крайнемъ западѣ Хэ-си. Жунны, какъ выше было замѣчено, заселяли на зарѣ китайской исторіи огромныя пространства внутри Китая, цяновъ же Сань-міао китайцы, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ жунскихъ поколѣній, называли си-жунами, т. е. западными жунами, изъ чего явствуется, что первоначальное мѣстопребываніе ихъ мы должны искать гдѣ либо

только этимъ послѣднимъ фактомъ и можно объяснить столь раннюю примѣсь къ цянскому — китайскаго ¹⁾ и монгольскаго ²⁾ элементовъ. Гораздо значительнѣе однако должна была быть примѣсь къ цянамъ третьяго элемента, именно — дискаго, на который тибетскій географъ уже потому не могъ указать, что ни дискаго языка, ни дискаго племени въ настоящее время не существуетъ. Оно исчезло и въ юго-западной Гань-су, въ Сычуани и въ восточномъ Тибетѣ поглощено было тибетскимъ на-

въ Шэнь-си или Гань-су, откуда государь Яо и потѣснилъ ихъ еще далѣе къ западу, въ мѣстность Сань-вэй. Дѣйствительно, изъ сопоставленія историческихъ данныхъ о различныхъ поколѣнїяхъ цяновъ оказывается, что уже во времена царствованія Ди-ку, т.-е. за 150 лѣтъ до помянутаго переселенія, область Фынъ-сянь-фу, провинціи Шэнь-си, заселяли цюань-жуны; эти же послѣдніе, отождествляемые въ исторіи Гань-му съ цюань-и, и стали прозываться со временъ государя Сѣ (1996 г.) сяцзянами. (Георгиевскій — „Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 17; Гакцифъ, ib., стр. 4) „Шань-хай-цзинъ“ еще опредѣленнѣе указываетъ на сѣверо-западный Китай какъ на родину цюань-жуновъ.

Интересно, что именно этихъ цюань-жуновъ китайскіе лѣтописцы какимъ то образомъ связываютъ съ дисцами. Такъ у Д. Позднѣва („Историческій очеркъ Уйгуровъ“, стр. 2) мы читаемъ: „Происхожденіе цюань-жуновъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Императоръ Хуань-ди (2697 — 2597) произвелъ Мяо-луна; Мяо-лунъ произвелъ Жунь-у; Жунь-у произвелъ Бяо-мина; Бяо-минъ произвелъ Бай-цюаня, т.-е. бѣлую собаку; собакъ было двѣ, и онѣ-то произвели цюань-жуновъ, т.-е. собакъ-жуновъ; они питались мясомъ и были красными четвероногими“. Что означаетъ вся эта цитата, объяснить очень трудно, но здѣсь очевидно кроется первоначальный смыслъ имени чи-ди, т. е. красныхъ ди, потому что китайскіе ученые сопоставляютъ эту фразу съ цитатою въ „Шо-вэнь“, древнѣйшемъ китайскомъ лексиконѣ, гдѣ слово „чи-ди“ объясняется такъ: „Чи-ди“ суть древнѣйшіе потомки собакъ, отсюда и іероглифъ „ди“ имѣетъ ключъ, означающій собаку“.

¹⁾ Китайскія лѣтописи содержатъ не мало указаній на случаи бѣгства именитыхъ китайцевъ въ степи, къ кочевникамъ, среди коихъ они основывали даже владѣтельные дома; такъ, наиримѣръ, про китайскаго сановника Гунъ-лю сказано, что, будучи лишенъ званія главнаго попечителя земледѣлія, онъ бѣжалъ къ цянамъ и принялъ ихъ кочевой образъ жизни; нѣкто Шунь-вэй, сынъ послѣдняго изъ государей китайской династіи Ся, также бѣжалъ въ степи со всѣмъ своимъ родомъ въ 1764 г. до Р. Хр. и т. д. Китайская лѣтопись передаетъ намъ также весьма интересное преданіе, гласящее, что Сань-міао, князь ся-цяновъ, происходилъ изъ рода Шэнь-нунъ-а, царствовавшего съ 2838 г. въ Китаѣ подъ именемъ Лянь-ди.

²⁾ Что монголы сосѣдили съ жунами (цянами) и динлисами въ отдаленнѣйшія времена китайской исторіи, это слѣдуетъ изъ дальнѣйшаго.

столько полно, что извѣстнѣйшія родовыя его прозванія стали считаться тибетскими; таковы, напримѣръ, поколѣніе янъ, населяющее нынѣ долину рѣки Дао-хэ выше Минъ-чжоу ¹⁾, и гѣ или цзѣ-цяны — потомки дискаго рода бо-ма ²⁾.

О времени переселенія си-цяновъ въ Тибетъ говорится лишь, что оно произошло задолго до начала нашей эры. Надо полагать, что оно было вызвано вторженіемъ китайскаго государя Сянъ, упорно преслѣдовавшаго си-цяновъ въ теченіе семи лѣтъ и только въ 2140 г. до Р. Хр. принудившаго ихъ покориться Китаю. Если предположеніе это оказалось бы вѣрнымъ, то переселеніе части си-цяновъ въ область, занятую коларійскими племенами, совпадало бы съ вторженіемъ въ ту-же область и индусовъ. Явные слѣды смѣшенія въ бѣльшей степени съ арійцами ³⁾, въ меньшей — съ коларіями обнаруживаютъ жители Ладака и западнаго Тибета; но какъ далеко на востокъ простерлось облагораживающее вліяніе примѣси арійской крови — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ въ области верхняго теченія Желтой рѣки и Янъ-цзы-цзяна современный тибетскій типъ слагался уже подъ вліяніемъ примѣси крови бѣлокурыхъ дисцевъ (динлиновъ), а не арійской.

О судьбѣ цяновъ, поселившихся въ долину р. Цзамбо, намъ ничего неизвѣстно вплоть до VII вѣка по Р. Хр., когда на арену всемірной исторіи они выступили въ качествѣ уже сплотившагося въ могущественное государство народа. Въ 663 году они овладѣли всей территоріей Тогонскаго царства, отличавшагося, какъ мы уже знаемъ, крайне разноплеменнымъ составомъ своего населенія; наименѣе однако извѣстными въ этнологическомъ отношеніи элементами являются среди него юэчжи и сами тогонцы. Объ юэчжахъ мнѣ нечего добавить къ тому, что уже сообщалось выше; что же касается тогонцевъ, то принадлежность ихъ къ монголамъ доказывается нижеслѣдующимъ.

Въ «Географіи Тибета» Минъчжунъ-хутукты мы находимъ такое указаніе: «Отъ монастыря Го-ман-гонъ (Го-манъ-сы) на во-

¹⁾ Потанинъ — „Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, I, стр. 243. Къ этому поколѣнію принадлежала династія государей царства Ву-ду.

²⁾ Ивановскій — „Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, стр. 158.

³⁾ У тибетцевъ сохранилась легенда, что первый царь ихъ былъ выходцемъ изъ Индіи (Klaproth — „Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 148).

стокъ, перейдя одну гору, находится монастырь Чувзанъ (Чейб-сенъ); отсюда на юго-востокъ въ полдня слишкомъ пути находится монастырь Гонь-лунъ.... Къ сѣверу отъ этого послѣдняго удѣль Амдо Бал-ри... Ниже этого удѣла — удѣль Хоръ или Дол-до... (Живущіе здѣсь) гья-хоры (чжа-хоры) владѣли прежде восточной и сѣверной частью Амдо'скихъ земель, но при Танахъ китайскія войска, соединившись съ тибетскими, вторгнулись въ ихъ земли, и они подпали подъ китайское владычество, но земли ихъ по большей части достались тибетцамъ, и говорятъ, что это есть начало поселенія тибетцевъ въ До-мад'ѣ. Исторія о бывшихъ въ древнее время у этихъ чжахоровъ царяхъ Хоръ-тоба, владѣвшихъ половиной Китая, находится въ лѣтописяхъ Китая»¹⁾.

Хотя указаніе это и грѣшитъ нѣсколько противъ исторіи, тѣмъ не менѣе изъ него явствуется 1) что Дол-до — наименованіе географическое, а не этническое²⁾ и 2) что амдоскіе монголы суть потомки сяньбійцевъ, выселившихся сюда изъ восточной Монголіи въ началѣ IV вѣка нашей эры. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и сдѣланное Ивановскимъ замѣчаніе, что въ фонетическомъ отношеніи языкъ этихъ монголовъ «очень напоминаетъ дахурскій, причемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и въ немъ»³⁾.

Вопросъ о принадлежности сяньбійцевъ къ той или иной этнической группѣ имѣетъ на столько важное значеніе для исторіи и этнологіи Средней Азіи, что разрѣшеніе его требуетъ большой осмотрительности; вотъ почему я нахожу необходимымъ освѣтить его возможно полнѣе.

Откуда почерпнулъ Миньчжунъ-хутукта вышеприведенное извѣстіе, мнѣ, конечно, неизвѣстно; однако чрезвычайная точ-

1) Стр. 53—55.

2) Это не исключаетъ однако возможности существованія въ прежнее время среди хоровъ особаго поколѣнія „далда“, увлеченнаго тогонцами въ Сининскую область съ далекаго сѣверо-востока, гдѣ еще въ началѣ XIII вѣка продолжали существовать роды — бо-далда и шуй-далда (т. е. рѣчные далда, въ Маньчжуріи). См. Васильевъ — „Исторія и древности восточной части Средней Азіи“, стр. 139.

3) Потанинъ. — „Тангутско-тибетская окраина Китая и центр. Монголія“, II, стр. 412. Дахуры ближе къ маньчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ; языкъ ихъ представляетъ однако нѣчто среднее между монгольскимъ и маньчжурскимъ (Васильевъ — „Исторія и древности восточной части Средней Азіи“, стр. 30 и 130).

ность сообщаемых имъ данныхъ по географіи Тибета и обнаруживаемая имъ при этомъ значительная эрудиція заставляютъ относиться къ его сообщеніямъ съ особымъ довѣріемъ; къ тому же самый фактъ принадлежности чжахуровъ къ потомкамъ сяньбійцевъ не представляетъ ничего невѣроятнаго и уже возбуждался въ печати ¹⁾.

По словамъ Потанина, амдоскіе монголы «называютъ себя просто монголами» ²⁾; между тѣмъ слуга Гюка—Сантанъ джимба, сопровождавшій и Потанина въ его путешествіе, какъ видно изъ «воспоминаній» помянутаго миссіонера, именовалъ себя «чжахоромъ». Впрочемъ, послѣднее прозваніе осталось небезъизвѣстнымъ и Потанину, но онъ полагаетъ, что такъ зовутъ амдоскихъ монголовъ тангуты, причемъ повторяетъ замѣчаніе Рокхилля, что слово «чжахоръ» происходитъ отъ сочетанія двухъ словъ: rgya (произносится jya)—Китай и hor—хоръ (тибетское племенное прозваніе) ³⁾; такимъ образомъ, по Рокхиллю, чжахоръ значитъ — тибето-китаецъ, а по Потанину, подозрѣвающему, что хоръ «имя какого-то кочевого племени, населяющаго сѣверный Тибетъ, не тибетскаго происхожденія, а можетъ быть монгольскаго» ⁴⁾ монголо-китаецъ.

Несестественность этого словопроизводства совершенно очевидна. Правда, у китайскихъ историковъ мы часто встрѣчаемъ подобныя сочетанія для обозначенія народностей смѣшаннаго происхожденія, какъ, напримѣръ, жунъ-мани, ди-жуны и т. д., соотвѣтствующія европейскимъ—англо-саксы и угро-финны, но то вѣдь историки, а не народъ, которому, конечно, будетъ всегда чуждо сочинительство подобныхъ комбинированныхъ этническихъ наименованій. Къ тому же происхожденіе слова чжахоръ можетъ быть объяснено гораздо проще. «Чжа», по свидѣтельству китайцевъ, на мѣстномъ (тибетскомъ?) языкѣ означаетъ «бѣлый» ⁵⁾;

¹⁾ Потанинъ, *op. cit.*, I, стр. 347.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 342.

³⁾ „Въ страну ламъ“, стр. 34.

⁴⁾ *Op. cit.*, стр. 343.

⁵⁾ Успенскій—„Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“, стр. 83; „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 429.

Слово „чжа“ можетъ имѣть однако и другія значенія. На чжурчженскомъ языкѣ оно означаетъ „поколѣніе“; такимъ образомъ писалось чжа-сянгунь, чжа-широй, чжа-мэнгу и т. д. Возможно, что и у древнихъ хоровъ слово это имѣло тоже значеніе (Ср. Васильевъ — „Исторія и

такимъ образомъ «чжахоръ» будетъ соотвѣтствовать «цаганъ-монголь», подѣ каковымъ именемъ въ дѣйствительности чжахоры и извѣстны у прочихъ монголовъ ¹⁾:

Хоръ—этническое наименованіе едва-ли тибетскаго происхожденія. Миньчжунъ-хутукта пишетъ ²⁾, что это слово исковеркано китайцами въ ху, что подтверждаетъ и проф. Васильевъ ³⁾. Съ ху или хорами китайцы познакомились задолго до Р. Хр. Въ III вѣкѣ до начала нашей эры они должны были противъ нихъ оградиться даже стѣной и построить укрѣпленные пункты Шанъ-гу, Юй-янъ, Ю-бэй-пинъ, Ляо-си и Ляо-дунъ, отъ Ордоса до побережья Великаго океана ⁴⁾. Послѣ разгрома восточныхъ хоровъ (дунъ-ху) хуннами, народъ этотъ утрачиваетъ свое племенное названіе, которое замѣняется въ предѣлахъ юго-восточной Маньчжуріи—ухуанъ, къ западу же отсюда—сяньби—терминами географическими, перенесенными на народъ, а не этническими, какъ объ этомъ говорится, впрочемъ, и въ китайской исторіи ⁵⁾. Засимъ въ послѣдующую эпоху и эти наименованія сходятъ со страницъ китайской исторіи, уступивъ мѣсто наименованіямъ особо усилившихся сяньбійскихъ родовъ—мужунъ и тоба. Всѣ эти перемѣны едва-ли однако могли заставить хоровъ позабыть свое древнее племенное названіе, и мнѣ кажется несомнѣннымъ, что тогонцы вступили на территорію Тибета носителями этого прозванія. Они заняли всю сѣверную его часть и весьма естественно, что у тибетцевъ, сложившихся въ государственный организмъ въ долинѣ Цзамбо, именно эта часть

древности восточной части Средней Азій“, стр. 111, 116, 135, примѣч., и 160); наконецъ, „rgya“ на тибетскомъ языкѣ имѣетъ значеніе болѣе широкое, чѣмъ то, которое ему даетъ Рокхиль, такъ какъ означаетъ „поземецъ“ (Hodgson—„Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“, II, стр. 67).

¹⁾ Пржевальскій — „Третье путешествіе въ Центральной Азій“, стр. 330; Потанинъ, *op. cit.*, стр. 342.

Значеніе опредѣлительнаго „бѣлѣй“, прилагаемаго къ родовымъ названіямъ, въ точности не выяснено; однако оно встрѣчается у кочевыхъ племенъ уже съ древнѣйшихъ временъ; у сяньби также существовало поколѣніе, которое именовалось „бѣлымъ“ (Іакнифъ—„Собр. свѣдѣній о народ. Средн. Аз.“, I, стр. 190).

²⁾ „Географія Тибета“, стр. 32.

³⁾ „Географія Тибета“, стр. 5 (примѣчаніе).

⁴⁾ „Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.“, I, стр. 9.

⁵⁾ Іакнифъ, *op. cit.*, I, стр. 151 и 161; Klaproth — „Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 95.

Тибета получила названіе страны хоровъ—Хоръ-ба. Нынѣ хоровъ въ означенной странѣ уже нѣтъ ¹⁾, но разъ данное ей названіе не только продолжаетъ жить въ народной памяти, но и перенесено на кочующія здѣсь ²⁾ тибетскія поколѣнія—наг-цанъ, нам-ру, наг-чу и ямба-чжанъ ³⁾, каковое обстоятельство вполне разъясняетъ ошибку Рокхилля, утверждавшаго, что чжахоры—тибетцы, а не монголы ⁴⁾.

Что наименованіе Хоръ-ба связано съ появленіемъ сяньбийцевъ въ сѣверномъ Тибетѣ, а не монголовъ, овладѣвшихъ имъ въ XVII вѣкѣ, явствуетъ изъ того, что осѣвшіе тутъ остатки этихъ послѣднихъ носятъ у тибетцевъ наименованіе сокъ, а не хоръ, занятая же ими территорія, включая область Куку-нора, Сокъ-іель, т. е. страны, занятой кочевьями народа сокъ ⁵⁾.

---

¹⁾ Orazio della Penna въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣченныхъ 1730 годомъ, пишетъ о хорахъ слѣдующее: „Между Татаріей и провинціями Чангъ и Нгари проживаетъ народъ хоръ, умственно мало развитой, заплетающій волосы въ косу и носящій платье татарскаго покроя; они сохранили свой родной языкъ, но говорятъ и по-тибетски“. (Markham — „Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet“, стр. 313). Нынѣ эти хоры утратили свою народность и слились съ тибетцами, что доказывается существованіемъ среди кукунорскихъ тангутовъ поколѣній чжахоръ (Rjyäkör) и тоба (Тора) (Rockhill — „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“, стр. 114). Поколѣніе тоба (ванчи-тоба) имѣется и среди голыковъ (Потанинъ — „Распросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ“ въ „Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.“, 1887, стр. 515). Что хоровъ нѣтъ болѣе въ центральномъ Тибетѣ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ современныхъ путешественниковъ (Найнъ-Сингъ, Бонвало, Рокхиль, Бауэръ (Bower), Литльдель, Дютрейль де-Ренсъ и С. Гединъ) ихъ тамъ не встрѣтилъ.

²⁾ Т. е. къ сѣверу отъ Вуй (Уй) и Цзана.

³⁾ Про эти поколѣнія у Миньчжунъ-хутукты, на стр. 32, говорится: „поколѣнія Наг-цанъ, Нам-ру, Наг-чу и Ямба-чжанъ хотя и называютъ хорами, но они суть тибетцы“.

⁴⁾ „Въ страну ламъ“, стр. 34.

⁵⁾ Hodgson, op. cit.; Markham — „Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet“, стр. XXIV.

О монголахъ сокахъ, или, какъ онъ ихъ называетъ—дамсукъ-монголахъ, упоминаетъ Пржевальскій („Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 287), причѣмъ передаетъ и легенду о томъ, что эти монголы—осѣвшая въ Тибетѣ часть войскъ Гуши-хана хошоутскаго. Рокхиль въ Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, стр. 157, говоритъ объ этихъ монголахъ подробнѣе; по его словамъ, старики этого племени говорятъ еще по-монгольски, но по одеждѣ и обычаямъ совершенно напоминаютъ тибетцевъ. Въ замѣткѣ о путешествіи Дурбэтскаго хамболамы

Венгерскій ученый А. Чома (Csoma de Körös), а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе оріенталисты, причисляли хоровъ къ народамъ тюркскаго племени и языка; но факты, на которыхъ базируется эта гипотеза, не кажутся мнѣ достаточно убѣдительными.

Howorth въ «History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century» ¹⁾ пишетъ, что послѣ изслѣдованій Hodgson'a не остается сомнѣній въ томъ, что подъ именемъ «хоръ» тибетцы всегда разумѣли уйгуровъ, монголовъ же называли «сокъ». Очевидно, Howorth имѣетъ въ виду статью «On the tribes of Northern Tibet» ²⁾, въ коей Hodgson, дѣйствительно, говоритъ, что хоры—уйгуры. При этомъ однако онъ причисляетъ къ хорамъ и магометанъ (кашмирскихъ выходцевъ), извѣстныхъ въ Лхассѣ подъ именемъ хачи. Въ хачи (Khachhen) онъ видитъ китайское Kao-tse, а Kao-tse это—уйгуры! Въ уровень съ этимъ заключеніемъ я могу поставить лишь не менѣе удивительное и принадлежащее равнымъ образомъ Hodgson'у сопоставленіе именъ Сокъ и Согдіана!

Но въ книгѣ Hodgson'a мы находимъ и нѣчто положительное—изслѣдованіе нарѣчія жителей области въ восточномъ Тибетѣ, носящей также названіе Хоръ-ба. Hodgson приходитъ къ

Монкочжеева отъ Напчу до Сачжацзуна въ 1892 году („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.“. 1895, стр. 570) мы находимъ объясненіе слова „дамсукъ“, означающаго монголовъ (соковъ), кочующихъ на р. Дамъ. Вотъ это мѣсто: миновавъ монастырь Даглынъ-гунба, шли по становищамъ Цайдамскихъ монголовъ, кочующихъ по рѣкѣ Дамъ“.

Давность наименованія хоръ для центральнаго Тибета подтверждается также и передаваемой Найнъ-Сингомъ (Trotter—„Account of the Pundit's Journey in Great Tibet from Leh in Ladak to Lhasa“ въ „Journ. Royal Geographic. Societ“, 1877, v. XLVII, стр. 107) легендой, связывающей это наименованіе съ именемъ нѣкоего царя Лимура, правившаго, будто бы, этой страной 2.000 лѣтъ назадъ. Засимъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто Бодимура (соч. въ концѣ XV вѣка): Сронцзанъ-Гамбо поручилъ управленіе государствомъ 16 министрамъ; изъ нихъ шесть, называвшіеся важнѣйшими, завѣдывали сношеніями съ китайцами и минаками (тангутами) на востокъ, съ хорами на сѣверѣ, съ Индустаномъ на югѣ и съ бальбо (непальцами) на западѣ (Schmidt—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses“, стр. 328). Какъ извѣстно, къ сѣверу отъ Тибета никакихъ монголовъ, кромѣ тогоновъ, въ эпоху образованія Тибетскаго государства не жило.

¹⁾ I, стр. 695.

²⁾ Статья эта помѣщена въ сборникѣ „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“.

заключенію, что quasi—арійская внѣшность (sic!) субъекта, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и который, конечно, и далъ ему матеріалъ для словаря, а равно особенности языка свидѣтельствуютъ о тюркскомъ происхожденіи народа, населяющаго названную страну.

Кромѣ пундита Кишенъ-Синга (А-К) область Нья-ронъ или Хоръ-ба посѣтилъ лишь американецъ Рокхиль, но ни тотъ, ни другой не говорятъ ничего объ особенностяхъ тибетскаго языка, на которомъ, судя по изслѣдванію Hodgson'a, изъясняются нынѣ уроженцы этой страны. Проходить обстоятельство это молчаніемъ и Миньчжунъ-хутукта, который страну Хоръ-ба называетъ Хоръ-хогъ—областью Хоръ.

Миньчжунъ-хутукта и Рокхиль согласно показываютъ, что владѣніе это распадается на пять удѣловъ (родовъ): Ханъ-саръ (Кангзаръ или Ганзе у Рокхилля), Мази (Мазуръ), Враг-го (Чан-го), Бери (Бэримъ) и Дрео (Дра-монъ или Чуво), но и эти наименованія не даютъ основаній для какихъ либо сближеній съ тюркскими родовыми прозваніями.

Какъ бы то ни было, филологическія изысканія Hodgson'a не могутъ не имѣть серьезнаго значенія для этнологіи и исторіи земель, входящихъ нынѣ въ составъ западной Сы-чуани, такъ какъ ими затрогивается весьма интересный, но пока, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній историческихъ судебъ этой страны, неразрѣшимый вопросъ—какъ и въ какую эпоху проникли тюрки такъ далеко на югъ. Во всякомъ случаѣ не имъ страна Хоръ-хогъ обязана своимъ названіемъ.

Тогонскія владѣнія граничили на югѣ съ территоріей дансяновъ, занимавшихъ въ началѣ VII вѣка нынѣшнія земли голоковъ. Тибетцы, овладѣвшіе въ 663 году царствомъ Тогонъ, вызвали значительное передвиженіе народныхъ массъ въ области верхняго теченія Желтой рѣки, въ которомъ главное участіе приняли дансяны и тогонцы. Часть этихъ племенъ выселилась, какъ намъ уже извѣстно, на сѣверо-востокъ, въ Ордосскія степи, часть осталась на мѣстѣ ¹⁾, а часть была вытѣснена на югъ,

¹⁾ Одинъ изъ голокскихъ родовъ носятъ названіе Ванчи, созвучное съ упоминаемымъ въ китайской исторіи (Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 238) дансянскимъ родомъ Ванли. Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 433, родъ этотъ названъ Ванъ-ши. Среди кукунорскихъ панакка-сумъ Рокхиль также называетъ поколѣніе Wangsht'ah'a (op. cit., стр. 114).

гдѣ мы въ дѣйствительности и находимъ въ настоящее время миняговъ. Что тогонцы также и въ этомъ отношеніи раздѣлили участь дансяновъ, видно изъ того факта, что Шанъ-Сыло, противникъ узурпатора Шанъ-Кунжо, собралъ въ 843 году въ Сунъ-пан'ѣ корпусъ въ 80 тысячъ человѣкъ, состоявшій исключительно изъ тогонскихъ и яншунскихъ ополченцевъ ¹⁾. Сунъ-панъ былъ конечно лишь мѣстомъ сбора тогонскихъ силъ, поэтому весьма вѣроятно, что уже въ то время хоры заселяли долину Ніаронъ. Въ 861 году Тибетское государство распалось на отдѣльныя владѣнія, а при такихъ условіяхъ Хоръ-хогъ могла получить нѣкоторую самостоятельность, которую и удержала до нашихъ дней. Я замѣчу еще, что населеніе этой страны заплетаетъ волосы въ косы, тогда какъ жители сосѣднихъ владѣній косъ не носятъ ²⁾—фактъ, говорящій во всякомъ случаѣ за ихъ хорское (сяньбійское), а не тюркское происхожденіе.

За принадлежность хоровъ къ монголамъ высказался и Клапротъ, но при этомъ впалъ въ другую ошибку. Тибетцы, говоритъ онъ, хорами называютъ лишь тѣхъ монголовъ, которые кочуютъ между Тибетомъ и Малой Бухаріей (Восточнымъ Туркестаномъ) и сами себя именуютъ сирайголами или шарайголами ³⁾. Такимъ образомъ Потанинъ, вводя для амдоскихъ монголовъ наименованіе «широнголъ», только повторяетъ Клапрота.

Отождествленіе чжахоровъ съ широнголами едва-ли можно считать правильнымъ и вотъ по какимъ основаніямъ.

Пржевальскій передаетъ легенду, что нѣкогда всей страной къ сѣверу отъ оз. Куку-нора владѣли ёгуры, которые были частью истреблены, частью вытѣснены въ сѣверо-западную часть провинціи Ганъ-су Гуши-ханомъ ойратскимъ ⁴⁾. Этихъ-то ёгуровъ за 80 лѣтъ передъ симъ, т. е. въ 1559 году, поразилъ Аньда или Алтанъ-ханъ, о которомъ въ «Алтанъ-тобчи» говорится, что онъ «покорилъ шарэгольцевъ-амдосцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ» ⁵⁾. Что здѣсь идетъ рѣчь именно о шираёгурахъ (сары-уйгурахъ) ⁶⁾, а не о чжахорахъ, явствуетъ изъ

¹⁾ Иакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 227.

²⁾ Потанинъ.—„Распросныя свѣдѣнія о вост. Тибетѣ“, въ „Извѣстіяхъ Имп. Р. Г. О.“ 1887, стр. 510.

³⁾ „Asia polyglotta“, стр. 269.

⁴⁾ „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 287.

⁵⁾ „Записки Имп. Археол. Общ.“, 1858, XIV, стр. 80.

⁶⁾ Свѣдѣнія о сары-уйгурахъ читатель найдетъ въ моемъ „Опис. пут. въ Зап. Китай“, II, стр. 62—63 и 279—280.

того, что западная Гань-су оставалась въ то время во власти китайцевъ. Именно, Алтанъ-ханъ нѣсколько лѣтъ спустя объяснилъ китайскому правительству, что грабежи китайскихъ областей, которые позволяютъ себѣ кукунорскіе подданные его сына Бинь-ту, вызываются крайней необходимостью и отсутствіемъ средствъ къ жизни, такъ какъ вблизи, въ Гань-су, для нихъ нѣтъ открытыхъ рынковъ, ходить же въ г. Нинь-ся—и далеко и неудобно. И хотя, снисходя къ сему, кукунорцамъ и разрѣшенъ былъ торгъ въ Гань-су, но этимъ все же безпокойства на границѣ устранены не были; чаще же всего отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ страдала Сининская область ¹⁾, т. е. именно тотъ районъ, въ которомъ расположены самыя западныя изъ селеній амдоскихъ монголовъ. Впрочемъ, Сананъ-Сэценъ совершенно опредѣленно указываетъ на то, что Алтанъ-ханъ поразилъ шира-уйгуровъ ²⁾.

Въ одномъ изъ приложеній къ Сананъ-Сэцену академикъ Шмидтъ приводитъ нижеслѣдующую выдержку изъ Бодимура: «Сронцзанъ-Гамбо (Лунцзанъ и Нунцзанъ китайскихъ авторовъ) отправилъ къ китайскому императору пословъ, поручивъ имъ высватать ему дочь императора; послѣдній вернулъ однако пословъ съ отказомъ, послѣ чего послы донесли королю, что императоръ съ охотой отдалъ бы за него свою дочь, если бы не помѣшали шара-шарайголь-тулухуньцы (несомнѣнно — тугухуньцы), возстановившіе его противъ тибетцевъ и побудившіе его отвѣчать отказомъ. Взбѣшенный король собралъ тогда огромное войско и лично повелъ его въ страну Dsongdschio (?); полководца же Jatong'a послалъ противъ тулухуньцевъ, чтобы опустошить ихъ царство. Этотъ полководецъ поразилъ тулухуньцевъ и преслѣдовалъ ихъ далеко по ту сторону Куку-нора, послѣдствіемъ чего былъ захватъ тибетцами тулухуньскихъ земель съ оставшимся тамъ населеніемъ» ³⁾. Эта выдержка составляетъ почти дословную передачу китайскихъ извѣстій о тѣхъ же событіяхъ, что явствуется изъ сопоставленія ея съ нижеслѣдующимъ мѣстомъ китайской лѣтописи: «Лунцзанъ отправилъ въ

¹⁾ Успенскій, *op. cit.*, стр. 162.

²⁾ Привожу это мѣсто: „Im 1573 zog Altan-Chaghan gegen die Chara Tibet zu Felde, unterwarf sich die beiden Abtheilungen der obern und untern Schira-Uigur und nahm die drei Fürsten der untern Abtheilung nebst vielen des Volkes gefangen“. Schmidt, *op. cit.*, стр. 211.

³⁾ „Geschichte der Ost.-Mongolen und ihres Fürstenhauses“, стр. 359.

Китай посла съ дарами и съ предложеніемъ о бракѣ. Императоръ отказалъ; но посланный по возвращеніи ложно донесъ княнбѣ, что онъ принять былъ императоромъ благосклонно и скоро получилъ бы царевну; но только что пріѣхалъ тогонскій король, то китайскій дворъ уменьшилъ вѣжливость и отказалъ въ бракѣ, чему причиною полагалъ онъ непріязненные внушенія тогонскаго короля. Лунцзанъ разсердился и съ яншунскими цынами совершилъ нападеніе. Тогоны не могли устоять и уклонились на сѣверную сторону Куку-нора, а Лунцзанъ забралъ все имущество и скотъ ихъ¹⁾.

Отождествляя тугухунцевъ съ шара-шарайголами, тибетскій текстъ впадаетъ однако, какъ мнѣ кажется, въ ошибку.

Тогонъ, а равно тугухунъ, что, вѣроятно, означало «тогонскіе люди» — «того(нъ)-хунъ», имя династїи, а не народа; въ качествѣ же такового оно едва ли могло удержаться въ народной памяти въ теченіе восьми слишкомъ вѣковъ; и вотъ, мнѣ думается, что составитель Бодимура, найдя въ китайской лѣтописи имя неизвѣстнаго ему народа тугухунъ, властвовавшаго когда-то въ области Куку-нора, гдѣ въ его время (въ концѣ XV вѣка) преобладающую, чуждую тибетцамъ, народность составляли сары-уйгуры, слилъ обѣ эти народности въ одну, давъ ей фантастическое названіе — шара-шарайголь-тулухунъ.

Такая ошибка со стороны составителя Бодимура тѣмъ извинительнѣе, что уйгуры были, дѣйствительно, давніе насельники области Куку-нора, куда они явились въ 1028 году, послѣ захвата Гань-чжоу тангутскимъ королемъ Юань-хао²⁾. Уйгуры не имѣли письменности, а для изустныхъ преданій пять вѣковъ — огромный періодъ. А такъ какъ и они нѣкогда были могущественны, и ихъ царство пало, благодаря тангутамъ, то такихъ данныхъ было, конечно, вполне достаточно для отождествленія обоихъ прозваній.

Потанинъ полагаетъ, что подъ именемъ широнголовъ могли быть извѣстны оба народа — чжахоры и шира-ёгуры³⁾, но такъ какъ это предположеніе онъ не подкрѣпляетъ никакими фактами, то я ограничусь указаніемъ, что оно находится въ явномъ противорѣчїи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что китайцы и тангуты

¹⁾ Иакнифъ — „Исторія Тиб. и Хухун.“, I, стр. 131.

²⁾ Mouriac de Mailla — „Histoire générale de la Chine“, VIII, стр. 203.

³⁾ Op. cit., стр. 345.

присвоиваютъ обоимъ народамъ различныя наименованія: чжа-хоровъ китайцы называютъ ту-жень, а шира-ѳгуровъ—хуань-фань. Въ «Географіи Тибета» Миньчжунь-хутукты мы также читаемъ: «На сѣверъ отъ Цо-нгонь-бо (озера Куку-норъ) въ смежности съ Бари находится удѣль Шара-ю-гу, жители коего составляютъ отрасль уйгуровъ; большая часть ихъ старшинъ происходитъ отъ чжурчженьскихъ царей, изъ рода Ваньянь».

Мнѣ кажется, что всѣ вышеприведенные факты устанавливаютъ съ несомнѣнностью, что къ амдоскимъ монголамъ не можетъ быть приурочено наименованіе широнголъ и что за ними должно быть оставлено ихъ древнее племенное названіе хоръ или чжа-хоръ, которое, вопреки заявленію Патанина, ими еще не забыто. Объ этомъ свидѣтельствуется миссіонеръ Гюкъ, это видно и изъ книги Потанина, гдѣ читаемъ, что сами себя амдоскіе монголы называютъ иногда чахарами¹⁾, въ каковомъ названіи слѣдуетъ, конечно, видѣть лишь испорченное (можетъ быть не совсѣмъ точною записью?) «чжахоръ».

Въ заключеніе приведу еще одинъ фактъ, подтверждающій принадлежность сяньби къ монгольскому племени. До насъ дошло одно ихъ слово—«аха» для обозначенія старшаго брата²⁾; оно—монгольское. Имена ихъ государей также большею частью монгольскія: Мужунъ (Мучжанъ), Тогонъ (Тогонъ), Туянъ (Таянъ), Циянъ (Кыянъ), Биси (Бису? Бики?), Угэти (Угэчи, Угэдэй), Дахай (Даха, кит., Дарханъ), Ачай (Ахай)³⁾, Мугуй (Магуй, Макуй), Нохэбо (Найхэ, Нохай?)⁴⁾.

На основаніи изложеннаго я считаю тогоновъ народомъ мон-

¹⁾ Ор. cit., стр. 342; въ томъ же сочиненіи говорится о широнгольскомъ племени хуари, что, можетъ быть, также лишь испорченное хоръ.

²⁾ Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, стр. 75.

³⁾ Это имя болѣе другихъ интересно, такъ какъ указываетъ на одну особенность языка тогоновъ, которая всецѣло удержалась и въ языкѣ амдоскихъ монголовъ, а именно, свойство замѣнять звукъ х звукомъ ч. Примѣры: хутуга—читого (ножь), уху—учы (пить) и т. д.

Другая особенность, свойственная, впрочемъ, языку однихъ лишь уроженцевъ окрестностей г. У-янъ-бу, заключается въ частой замѣнѣ звука х звукомъ ф: ой, хой—фый (лѣсъ), одонъ, ходунъ—фоту (звѣзда), увесунъ, хувисы—фунисы (зола) и т. д.; согласно съ симъ, имя государя Фуюнь могло бы соответствовать монгольскому Хурюнь.

⁴⁾ Нохай—имя, употребительное, какъ кажется, только у тюрковъ; но нѣкогда оно встрѣчалось и на азіатскомъ востокѣ, напримѣръ, у видапей.

гольского племени съ значительной однако примѣсью тунгусской и диской крови.

Возвращаюсь снова къ тибетцамъ.

Вдоль южной границы Тогонскаго царства лежали земли дансяновъ (миняговъ), байланскихъ динлиновъ и танчановъ, къ югу отъ коихъ жили дынчжи. Всѣ эти народы были по происхожденію дисцы.

Примѣсь ихъ крови значительно измѣнила типъ тибетцевъ долины Цзамбо, начавшихъ осѣдать среди нихъ уже съ половины VII столѣтія, чему явныя доказательства мы видимъ въ свидѣтельствахъ современныхъ путешественниковъ. Вліяніе этой крови было даже настолько сильно, что не могло быть парализовано приливомъ въ восточный Тибетъ монгольского элемента — хоровъ въ VII и монголовъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Зато къ сѣверу и западу этотъ послѣдній элементъ значительно, повидимому, повліялъ на тотъ типъ тибетца, который успѣлъ выработаться частью на сѣверѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ цяны жили въ перемѣшку съ дисцами ¹⁾, частью на югѣ, въ долинѣ Цзамбо; онъ вернулъ ему многія особенности монгольского типа, сказывающіяся особенно сильно среди нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго Тибета и Куку-нора, включившихъ въ свои ряды даже цѣлые роды хоровъ и ойратовъ. Нѣкоторымъ противовѣсомъ здѣсь монгольскому элементу должны были явиться съ одной стороны минягскій ²⁾, съ другой—уйгурскій.

Я уже имѣлъ случай высказать, что уйгуры должны были имѣть значительную примѣсь диской крови ³⁾. Китайскіе лѣтописцы это вполне подтверждаютъ, считая уйгуровъ даже прямыми потомками динлиновъ ⁴⁾. Эта примѣсь сказывалась даже у уйгуровъ VII—X вѣковъ, судя по весьма интересному рисунку хой-хэ, даваемому «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ» ⁵⁾. Были-ли уйгуры въ большей своей массѣ бѣлокурыми или черноволосыми, когда вступили въ Хэ-си, свѣдѣній не имѣется; однако одно изъ ихъ отдѣловъ — сары-уйгуры было, повидимому, бѣлокурымъ, въ

¹⁾ См. выше, стр. 28—29.

²⁾ Что нѣкогда миняги проникли также и въ Нань-шань, это видно изъ того обстоятельства, что среди ѳгуровъ имѣется поколѣніе мнягъ (Потанинъ, *op. cit.*, стр. 441).

³⁾ „Описаніе пут. въ Зап. Китай“, II, глава VIII.

⁴⁾ Д. Позднѣвъ—„Историческій очеркъ Уйгуровъ“, стр. 8.

⁵⁾ Д. Позднѣвъ *op. cit.*

чемъ убѣждаетъ насъ какъ ихъ прозвище ¹⁾, такъ и свидѣтельство исторій, упоминающей о странѣ желтоголовыхъ хой-ху ²⁾, жившихъ приблизительно въ той же мѣстности, гдѣ нынѣ мы застаемъ бѣлокурыхъ мачинцевъ ³⁾.

Что уйгурскій элементъ игралъ нѣкоторую роль при сложении типа современнаго панака-сумъ, явствуетъ изъ слѣдующей, передаваемой Пржевальскимъ, легенды ⁴⁾: Изъ числа истребленныхъ олютами ёгуровъ спаслась одна старуха съ тремя беременными дочерьми и ушла съ ними на правую сторону верхней Хуанъ-хэ. Здѣсь ея дочери родили трехъ сыновей, отъ которыхъ и произошли хара-тангуты». Я даже думаю, что родъ Арикъ, самый многочисленный изъ родовъ панака-сумъ, а также, вѣроятно, и родъ Тубъ-цзя, правда, вполне отангутившіеся, но тѣмъ не менѣе все же уйгурскіе роды ⁵⁾.

Я заключу настоящую статью замѣчаніемъ о наименованіи

¹⁾ Среди киргизскихъ костей кость „сару“ является самой распространенной, а стало быть и самой главной. Терминъ этотъ прилагался, вѣроятно, къ коренной помѣси тюрковъ съ динлинами вслѣдствіе уваслѣдованной ею отъ динлиновъ свѣтлой окраски волосъ („сары“ — значитъ — желтый, рыжій); таково и было именованіе древнѣйшей кости киргизовъ, ибо у енисейскихъ киргизовъ два главные ихъ рода носили имена джеты-сары и алты-сары, т. е. семи рыжихъ и шести рыжихъ (Аристовъ — „Опытъ выясненія этнологическаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ“ въ „Живой старинѣ“, 1894, вып. III и IV, стр. 451). Бѣлокурые сойоты, по свидѣтельству Радлова („Reise durch Altai“ въ „Erman's Archiv. f. wiss. Kunde v. Russland“, XXIII, стр. 297), извѣстны подъ именемъ „желтыхъ“ (Saryg). Нѣтъ поэтому основаній считать, чтобы въ отдѣлѣ сары-уйгуръ „сары“ имѣло другое значеніе.

²⁾ „Hoei-he à tête jaune“ (Rémusat — „Histoire de la ville de Khotan“, стр. 95).

³⁾ Пржевальскій — „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 420.

⁴⁾ „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 287.

⁵⁾ Кость арикъ имѣется у киргизовъ; вѣроятно, это тюркизованное „аринъ“ (Аристовъ, *op. cit.*, стр. 452). Среди трехъ уйгурскихъ князей, илѣненныхъ Алтанъ-ханомъ, одинъ, прозывавшійся Сагарджайба, принадлежалъ къ роду (?) Арикъ (Schmidt, *op. cit.*, стр. 211). Туба (въ тубъ-цзя-„цзя“ — приставка) наименованіе племени такъ называемыхъ у насъ „черневыхъ татаръ“, живущаго между Телецкимъ озеромъ и р. Катунь; поколѣніе „туба“ могло входить въ составъ уйгурскаго племени подобно тому, какъ нынѣ въ составъ его входятъ кости кырхысь, уйратъ, мянгъ и др. Верхне-енисейскіе урянхайцы (сойоты) сами себя также называютъ туба

«тангутъ». Уже Рокхиль поднялъ вопросъ о нецѣлесообразности дальнѣйшаго сохраненія въ научной литературѣ этого имени, совершенно неправильно распространяемаго на тибетское населеніе области Куку-нора и страны Амдо ¹⁾. Всецѣло раздѣляя это мнѣніе, я нахожу однако необходимымъ сохранить этотъ терминъ за живущимъ къ сѣверу отъ Нань-шаня и къ востоку отъ г. Су-чжоу осѣдлымъ населеніемъ, говорящимъ на одномъ изъ тибетскихъ нарѣчій, такъ какъ населеніе это—несомнѣнные потомки тангутовъ, т. е. народа, сложившагося изъ минягскаго, тибетскаго, хорскаго (сяньбійскаго) и тюркскаго (шато, хунскаго) элементовъ.

---

¹⁾ „Въ страну ламъ“, стр. 53.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XXXIX, вып. V.

Типографія В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8-я лин., № 45).

